

Чудеса без правил. Хоттабыч вернулся

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Воронцов

18+

Александр Воронцов

**Чудеса без правил.
Хоттабыч вернулся**

«Автор»

2025

Воронцов А.

Чудеса без правил. Хоттабыч вернулся / А. Воронцов — «Автор», 2025

Главный герой – бывший тренер по смешанным единоборствам Павел Александрович Ерёмин, арестованный за убийство в Португалии, куда эмигрировал вместе с семьёй в 2010 году после кризиса. «Отмотав» срок в португальской тюрьме, он был депортирован обратно в Россию. Но там его никто не ждал – бывшая жена и дочь остались в Португалии, жилья не было, денег и работы – тоже. Прошло восемь лет и мир изменился. Паша не может себя в этом новом мире найти. Он случайно попадает на турнир по уличным боям «Стрела», которые начали проводить в Питере. За седую бороду он получил прозвище «Хоттабыч». Ерёмин внезапно становится одним из самых популярных бойцов этого турнира. При этом ему негде жить, и он фактически становится бомжом. Мало того – Пашу приглашают на чемпионат Европы по ММА, и российский бомж его выигрывает. Казалось бы – слава, почёт, уважение... Но прошлое цепко держит его и не хочет отпускать. В том числе и его тюремное прошлое... Книга написана на основе реальных событий...

© Воронцов А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава первая. Возвращенец	5
Глава вторая. Ночевка на кладбище	9
Глава третья. Мой ангел скоро перебесится...	15
Глава четвёртая. У каждого – свой бог	21
Глава пятая. Бездомный домовой	25
Глава шестая. С новосельем!	31
Глава седьмая. Неуловимые мстители выходят на тропу войны	35
Глава восьмая. После драки кулаками машут?	42
Глава девятая. Полезные знакомства	49
Глава десятая. Трах-тибидох!	55
Глава одиннадцатая. Как найти неприятности на свою голову?	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Воронцов

Чудеса без правил. Хоттабыч вернулся

Глава первая. Возвращенец

Питер встретил его мелким серым дождём. Такая погода в украинском языке называется очень ёмким словом – «мряка». Холодные мрачные тучи настолько низко висели над городом, что, казалось, вот-вот упадут на него и раздавят. Но не падали, а секли этот город мелкими холодными строчками дождя. И если бы можно было посмотреть на эту картину откуда-то сбоку, то аэропорт Пулково как будто бы кто-то накрыл огромным штрих-кодом, который не сулил этому товару никаких перспектив в будущем.

В кошельке у Паши Ерёмкина было всего 33 евро и несколько тысяч рублей – сколько точно, он даже не удосужился посмотреть. Когда ему вернули все его вещи, то мятые российские рубли он по привычке даже не стал воспринимать, как деньги. Просто запихнул эти бумажки в карман. А теперь нужно было считать каждую копейку – и думать, где жить, чем питаться и что вообще дальше делать? Питер – это не тёплый Лиссабон, не солнечная Коимбра, где можно было даже зимой, набрав картона и одеял, расположиться под любым виадуком. Или просто улечься на лавочке в парке, а то и просто на улице. Один его знакомый бомж именно так и делал. А здесь, в России даже посередине лета северная столица показывала свой норов, заставляя Пашу зябко кутаться в его старенькую куртку-«кенгуруху». И в который раз ругать самого себя за то, что надел не спортивные штаны, а шорты. Впрочем, кто бы мог подумать, что в июле, когда в Португалии от жары плавился асфальт, в России может быть такой колотун?

Процедура посадки на рейсовый автобус прошла штатно – узнав у первого встречного, как добраться до города, Паша прошёл к остановке и вскоре автобус №13 домчал его до станции метро «Московская».

«Надо же, тринадцатый номер. Видать, мне сегодня повезет», – подумал Ерёмин и усмехнулся.

В первую очередь надо было перекусить. Голодать, конечно, иногда полезно, но только иногда – если всё остальное время питаешься хорошо. Паша в последнее время питался плохо.

Последний раз он поел в тюрьме португальского города Коимбра. Точнее, позавтракал. Потом его отвезли в российское консульство в Порто, быстро оформили все документы и через час он уже был в аэропорту. Его резиденция была аннулирована, то есть – он потерял вид на жительство в Португалии и теперь уже не мог претендовать на португальское гражданство. Для этого надо было прожить в стране пять лет. Он прожил. Точнее, отсидел...

Одним словом, европейских документов у Паши теперь не было. Налоговый номер – NIF – скорее всего, тоже был аннулирован. Банковскую карту он изначально отдал своей бывшей. На момент ареста там было три тысячи евро. Правда, у него осталось водительское удостоверение – carta condusao. И оно было бессрочным, а вот вид на жительство – резиденцию – он получил на пять лет и в этом 2018 году она всё равно бы закончилась...

Паша снова улыбнулся.

«Зачем мне европейские водительские права, если после депортации и запрета на въезд в Португалию мне закрыт въезд в страны Шенгенского соглашения и Европейского союза? Впрочем, возможно, эти права действуют и в России? Надо будет узнать...»

Разговаривая сам с собой, он двигался вдоль Московского проспекта, высматривая недорогую забегаловку. Но по пути попадались лишь шикарные рестораны или крутые кафешки, в которых чашка чая наверняка стоила рублей пятьдесят. Тогда он свернул на небольшую улочку

и сразу же увидел какой-то ларек, в котором торговали шавермой. Он подошел к этому ларьку и, выгребая свои мятые рубли, спросил у продавца:

– Привет, братан. Сколько стоит твоё изделие?

Смуглый продавец, похожий на таджика, моментально расплылся в улыбке.

– Приветствую, что хотите покушать? Есть шаурма, лаваш отдельно, куриный шашлык, есть даже плов, настоящий узбекский, есть...

Паша рукой показал продавцу знак «стоп» и уточнил:

– Братан, шаверма твоя сколько стоит?

Продавец немного погрузился, видя, что клиент не расположен здесь обжираться, и указал рукой на вывеску, которая была над окошком ларька.

– Смотрите, уважаемый, вот все цены, смотря какая вам нужна шаурма, с чем, какие ингредиенты...

Услышав заумное слово, Паша повнимательней присмотрелся к продавцу.

– Э, да ты, инжебьё, тут подрабатываешь, а сам, небось, университет заканчиваешь? Что, третий курс или четвёртый? И, наверняка, гуманитарий?

Продавец снова заулыбался.

– От вас, ата, не скроешь ничего. Только я не «инжебьё», я узбек, а не таджик. Вы правы, я в Санкт-Петербургский государственный университет три года как поступил. Кафедра востоковедения. Отец сейчас болеет, с деньгами туго, вот, открыл своё дело на паях с земляками. Так какую шаурму будете, ата?

Паша махнул рукой.

– У меня, братан, с деньгами тоже туго, так что давай такую, чтобы голод утолить и не окочуриться потом. Как у нас говорят, дёшево и сердито.

Узбек быстренько расстелил аппетитный лаваш, настругал ножом с большого куска мяса, которое было насажено на металлический штырь, мясную стружку, потом быстренько добавил туда корейской моркови, листок шпината, кусочек огурца, полил это кетчупом, завернул и засунул в микроволновку.

– Сейчас подогрею, ата, будете кушать – руку себе откусите, так вкусно.

Паша рассмеялся.

– Не, мне руки ещё нужны будут, так что ограничусь твоим деликатесом. Сколько с меня?

– С вас, ата, 135 рублей. Недорого, клиентов мало, может, будете у меня постоянным клиентом, так что сразу скидка десять процентов.

Паша отсчитал мелочь, продавец вручил ему горячую шаурму и, он, пожелав продавцу-лингвисту удачных продаж и многочисленных клиентов, направился в близлежащий парк Победы. Там, сев на лавочке, Паша, не торопясь, съел вкусную шаверму, запивая свой импровизированный пикник минеральной водой, кстати, ещё португальской.

Итак, первая задача была выполнена – он насытился. Теперь нужно было выполнять вторую задачу – найти место, где можно было бы переночевать. С одной стороны, в жизни Паши Ерёмина уже были моменты, когда ему приходилось ночевать на улице. Правда, это было в солнечной Португалии, а ещё раньше – в солнечном Крыму, который очень похож на Португалию. Или наоборот. В общем, если летом да в тёплых странах искать, где переночевать, то, имея что подложить под спину, можно спокойно выспаться где угодно. Нет, желательно, конечно, не на бетоне или асфальте, а на травке или песке. На худой конец, на земле. Но хотя сейчас было лето, промозглый и сырой Петербург совершенно не располагал к ночёвке под открытым небом. Да и небо изрядно моросило. Так что надо было думать, куда приткнуться и при этом не заработать себе насморк или что похуже. 53 года – это уже не шутка. Не пацан.

Когда Ерёмину было шестнадцать лет, он впервые переночевал в парке, когда сбежал от родителей. Было такое в его бескомпромиссном юношеском прошлом – повздорив с матерью, он быстро собрал свои шмотки, запихнул в рюкзак и был таков. Хорошо, что он тогда серьёзно

занимался скалолазанием и альпинизмом, был готов к холодным ночёвкам, да и раскладной пенополиуретановый коврик всегда с собой носил в рюкзаке. Так что переночевал он с комфортом – ночью залез на чердак какого-то отдельно стоящего в парке Чкалова строения и продрых до самого утра. А утром, когда вылезал, вдруг понял, что ночевал на чердаке здания... с игровыми автоматами. И если бы кто из администрации увидел, могли бы и в милицию отправить...

«А коврик-то у меня снова с собой. Значит, если что, спину не просквозит», – подумал Паша и, поправив лямки рюкзака, поудобней перехватил дорожную сумку.

Изделие китайских кустарей – клетчатая сумка-баул – свою задачу выполнила. Ерёмину удалось перед арестом собрать почти все свои самые нужные вещи. Потом, во время отсидки, когда к нему пустили на свидание дочку, Маша рассказала ему, что её мама – его бывшая жена – всю папину одежду, обувь и даже книги выбросила на помойку. А самое обидное – туда же улетели и его боксёрские перчатки, шлем, кимоно и кроссовки. Обидно было, конечно, но что поделать? Зато синее кимоно для занятий джиу-джитсу он успел упаковать. И перчатки для смешанных единоборств – тоже. А заодно много нужных и, главное – тёплых вещей...

«Мда... хорошо, что освободился летом. А если бы зимой? Ну, допустим, джинсы у меня есть. И ботинки есть. Но вот куртки нет. Хорошо, что два свитера положил, как знал, что пригодятся», – Паша мысленно похвалил себя за свою куркуликоватость.

Ну, так, понятно – в его жилах течёт и украинская кровь! А украинские «куркули» – они же «кулаки» – всегда славились своей тягой к накопительству. «Чтобы было!» Или другой вариант украинской поговорки – «Не съем, но надкусаю». Вот он и набил сумку разными нужными вещами. В тюрьме многие из них так и негодились, а вот сейчас каждая шмотка будет к месту. Как там говорит пословица – каждое лыко в строку?

Но сколько себя не хвали – от этого теплее не станет. А вечер уже набросил своё холодное и мокрое покрывало на тусклый Питер. Надо было определяться с ночлегом. Метро не подходило – в половину первого ночи оно закрывалось, а в вагоне остаться – не вариант, моментально выгонят или сдадут в полицию. И хотя документы у Паши были в порядке, но он ещё не отметился в португальском посольстве. А вот отметки о его депортации, и, тем более, о судимости и сроке в португальской тюрьме запросто могли сослужить ему плохую службу. И очень даже реально он мог после судимости в Португалии быстро заработать судимость уже в России. А уж российские тюрьмы и зоны – это тебе не тот курорт, который был в солнечной Коимбре, где даже в январе было порой плюс двадцать и можно было гулять в шортах и футболке...

Паша давно вышел из парка Победы и шёл по направлению к Воскресенскому Новодевичьему монастырю, здраво рассудив, что там он точно сможет найти место для ночлега. Ведь монастырь всё же – ну, должны же там быть монахи, кельи, не могут ведь божьи люди не помочь страждущему?

Но, видимо, посредники между Богом и людьми не разделяли Пашиного оптимизма. Когда он немного побродил вокруг монастыря, который был окружен высокой каменной стеной, то понял, что так просто на территорию он попасть не сможет. Железные ворота центрального входа были наглухо закрыты. Паша всё же осмелился несколько раз нажать кнопку звонка. Но то ли звонок не работал, то ли никто не соизволил отозваться на его попытки подать о себе весточку. Обойдя обитель по периметру, он убедился, что стена была сплошной. И ни калиточки, ни щёлочки в ней не было и быть не могло.

Но вдруг его взгляд наткнулся на другую стену, поскромнее. Она ограждала Новодевичье кладбище.

– Поразительно, как это кладбище отличается от московского Новодевичьего. Там – огромный такой пафосный Некрополь, вся советская элита там похоронена, вход платный, охрана... А здесь – заброшенное кладбище, которое, хотя и охраняется законом, как культурный памятник, но находится в состоянии нестояния...

Паша уже привык вслух разговаривать сам с собой, ведь в тюрьме он сидел с португальцами, бразильцами, неграми-иммигрантами из Мозамбика, Анголы или Гвинеи-Бисау. Поэтому разговаривать ему приходилось лишь на португальском языке. Вот и привык общаться только с одним уважаемым человеком – с собой. Как когда-то сказал американский стенд-ап комик Джордж Карлин, «я разговариваю сам с собой, потому что я единственный человек, чьи ответы мне нравятся».

Он подошел к железным воротам, которые преграждали вход на территорию «русского Пер-Лашез», как называют на Западе Питерское Новодевичье кладбище. Как и ожидалось, ворота были закрыты. Звонка не было.

– Ну, да, уже семь вечера, как и все учреждения, кладбище после шести не работает, – проворчал Паша.

Оглянувшись, он посмотрел, нет ли кого-то поблизости. Улочка за Новодевичьим монастырём, к которому примыкало одноимённое кладбище, словно вымерла.

«А какой ещё должна быть улица, ведущая к мёртвым», – внезапно мелькнула в его голове мысль.

Паша посмотрел сквозь забор. Не потому, что он вдруг стал экстрасенсом – забор был решетчатым, за прутьями решётки просматривались памятники и надгробья старинного кладбища, больше похожие скорее на развалины какого-то мёртвого города. Ерёмин где-то читал про питерское Новодевичье кладбище. Здесь когда-то до революции хоронили только знатных людей, дворян и выдающихся русских деятелей культуры. Кажется, здесь был похоронен художник Врубель и поэт Брюсов. Ну, и, соответственно, памятники и склепы на этом кладбище ваяли с размахом, с выдумкой. Они, скорее, напоминали эдакие маленькие, но вычурные дома. Только время их не пощадило и сейчас это были не дома, а, скорее хижинки. А главное – ни одной живой души возле этих хижин не было видно.

«Ну, сказанул. Точнее – подумал! Ни одно живой души среди похороненных мёртвых тел!» – снова пришла в голову неожиданная мысль.

Паша ещё раз оглянулся и, недолго думая, перебросив рюкзак и сумку через забор. И тут же сам перемахнул на ту сторону, оказавшись на кладбище.

– Не знаю, как там в монастыре с приёмными днями, а вот приёмный вечер я сам себе смогу организовать. И приёмную ночь. Наверняка на кладбище всегда найдётся хоть кто-то, с кем можно пообщаться. Есть же здесь какие-то сторожа или там могильщики. Монахинь вроде на этом кладбище хоронят. Да и подзахоронения разрешены. Так что по любому, сторожка здесь есть, – пробормотал он себе под нос и, подобрав свои пожитки, уверенно зашагал по центральной аллее.

Глава вторая. Ночевка на кладбище

Как и положено заброшенному кладбищу, на Новодевичьем была тишь, гладь и, наверное, божья благодать. Полуразвалившиеся надгробия, склепы, памятники и просто кресты уныло торчали там и сям, а их каменную наготу укрывали своей листвой разросшиеся деревья и кусты. Растительность на кладбище буйно пёрла отовсюду и своим страстным жизнелюбием как-то скрашивало это царство мёртвых.

Проходя по аллее, Паша заметил у входа на погост чей-то знакомый профиль. Подойдя поближе, он узнал бюст писателя Николая Некрасова, который стоял на его могиле. Он напряг зрение и, поправив очки, с трудом разобрал позолоту надписи – «НЕКРАСОВЪ». Монумент, на котором возвышался бюст поэта, впечатлял: массивный, сужающийся кверху четырехугольный постамент из чёрного гранита. У основания пьедестала – строки из знаменитого стихотворения поэта: «Сейте разумное, доброе, вечное, Сейте! Спасибо вам скажет сердечное Русский народ...»

– Да уж, мы сеяли-сеяли и наконец, посеяли... – пробурчал Паша.

Центральная аллея была вымощена камнем и идти по ней было одно удовольствие. Правда, если смотреть по сторонам, то кладбище больше напоминало какой-то сказочный лес, в котором внезапно решили создать эдакий парк скульптур. И скульптуры эти были довольно потрепаны жизнью в этом рассаднике смерти.

Неожиданно невдалеке Паша заметил какое-то движение – как будто бы кто-то копался у одной из могил. Слово «копался» на кладбище не совсем подходило к описанию процесса – уместнее было употребить слово «возился». Тем более, что, приблизившись, Паша разглядел, что этот неизвестный субъект что-то грузил на четырёхколёсную тележку – эдакую «подругу» садовода-любителя. Или, точнее, могильщика-профессионала.

Ерёмин подошёл поближе и убедился, что свою первую задачу он выполнил – нашёл человека, который явно представляет здесь администрацию. И с этой административной единицей можно было вступить в переговоры, которые должны были увенчаться ночлегом.

– Добрый вечер, уважаемый, – поприветствовал кладбищенского работника Паша, подойдя к нему поближе.

Пожилой мужчина в странном для могильщика джинсовом комбинезоне поднял голову и подслеповато прищурясь, посмотрел на подходившего к нему человека с рюкзаком и сумкой.

– Вечер-то добрый, мил человек! Но если ты сюда пришёл захорониться, то зачем с собой столько вещей взял? А если на экскурсию, то, во-первых, поздно, а, во-вторых, ты что – прямо с вокзала? Вещи негде было оставить? – неожиданно стал юморить могильщика-профессионал.

Паша принял вызов и ответил в том же ключе.

– Вы правы, уважаемый – я только что приехал, но не с вокзала, а из аэропорта. На захоронение не претендую, от экскурсии не отказался бы, да денег маловато, боюсь, не хватит. А поскольку с деньгами напряжно, то переночевать мне негде. Вот и подумал, что на кладбище наверняка можно где-то прикорнуть.

Мужик не спеша вывез тележку, нагруженную каким-то мусором на аллею, отряхнул руки в перчатках, снял их и повесил сверху на ручку тележки. Затем подошёл к Паше вплотную и посмотрел на него долгим изучающим взглядом.

– Так, значит? Турист? – могильщик произнёс это с издёвкой, в стиле киногероя Папанова – контрабандиста Лёлика из «Бриллиантовой руки».

Затем продолжил издеваться, уже не скрывая своего сарказма.

– Так вот, турист, вход у нас на кладбище платный – это раз. Экскурсии давно закончились – это два. Прикорнуть на этом кладбище дорого стоит – это три. И вообще, здесь тебе не ночлежка – это четыре. Поэтому, раз, судя по всему, ты проник сюда незаконно, то, чтобы не

морочить ни мне, ни тебе голову полицией и прочими глупостями, то поворачиваешь оглобли и сам, спокойно и добровольно покидаешь территорию Новодевичьего кладбища.

Ерёмин слегка опешил – слишком уж агрессивно повёл себя этот кладбищенский хрен. Он моментально стал заводиться, но сдержался и постарался ответить культурно и вежливо.

– Ну, вот теперь вижу, что я на родине. Так только свои своих могут унижать и хаять. Мда, отвык я что-то от хамства... Вы бы гонор свой, уважаемый, для начальства вашего приберегли. Я вам в тарелку с супом не плевал и ничего у вас не просил... пока. А поскольку я с вами вместе свиней не пас, то могли бы ко мне и на «вы» обращаться. Я ведь, как вы видите по моей седой бороде, постарше вас буду. Вон, даже инородец узбек ко мне почтительно обращался, а вы вроде русский, а ведёте себя, как натуральное быдло. Не волнуйтесь, я знаю, где выход, спасибо за гостеприимство. Вечер вам в хату, уважаемый!

С этими словами Паша повернулся и пошёл к выходу.

– Эй, да ты кипешной какой! Тормози, мы не договорили! – внезапно услышал он за своей спиной.

Круто развернувшись, Ерёмин зло усмехнулся.

– А кто вам сказал, что я с вами буду разговаривать? Тыкать будете своему начальству, если духа хватит. Если вы так себя ведёте с человеком, которого вы не знаете, то вы либо дурак и быдло, либо вам ни разу в жбан не прилетало. Но поскольку я воспитанный человек и за свои слова отвечаю, то желаю вам, чтобы был мир и благополучие в доме вашем. И чтобы не стеснять вас в вашем доме, поищу людей, более воспитанных, чтящих традиции и помнящих о том, что земля круглая. Даст Бог, придётся и вам испытать то же, что испытал я.

Паша повернулся и хотел идти, когда внезапно на его правое плечо легла тяжёлая рука. Чисто автоматически он моментально своей левой рукой заблокировал чужую руку и, развернувшись назад-вправо, правой рукой провёл приём под названием «рычаг плеча».

– Ахх... уй... блин... ты чё творишь! – услышал Паша вопли от согнувшегося в три погибели могильщика, правую руку которого он взял на болевую и, по привычке, зайдя ему за спину, всей своей 90-килограммовой массой надавил тому второй рукой на шею.

– Слышь, земляк, отпусти... уй, блин, больно... ты совсем берега попутал... – зашипел работник кладбища.

Паша отпустил его руку и, поправив рюкзак, подхватил брошенную в траву свою клетчатую сумку. Повернувшись, он снова зашагал к выходу, не оборачиваясь.

– Послушай, земляк, извини, погорячился. Да стой ты, я признаю, что был не прав. Давай побазарим.

Ерёмин остановился и обернулся. Мужик, немного помятый и какой-то пришибленный, смотрел на него виновато, но при этом улыбался. И это заставило Пашу изменить своё решение и вернуться назад.

– Тебя как зовут, гость непрощенный? Меня здесь Йориком прозвали. Я на этом кладбище, почитай, с малолетства обитаю. Ты извини, я же не со зла на тебя «наехал». Цельный день вкалываешь тут, к вечеру уже ни рук, ни ног не чувую, а тут на тебе – дайте переночевать, а то так есть хочется, что и воды не надо, – переиначил кладбищенский работник известную поговорку.

Назвавшийся Йориком протянул руку Паше.

– Давай без обид, ладно?

Паша в ответ пожал руку, пробурчав:

– Обиженные на зоне. А ты меня просто огорчил.

Йорик хитро прищурился.

– Да я понял уже, что ты сиделец. Где чалился, арестант?

Паша, всё ещё не отошедший от предыдущего хамского обращения, процедил сквозь зубы:

– Там, где чалился, там меня уже нет, отсюда не видно.

Йорик усмехнулся.

– Да я вижу, что ты не с Магадана к нам заявился. Туда международные рейсы не летают. Что, в Португалии где-то отбывал? Или в других европах?

Ерёмин удивлённо посмотрел на своего собеседника. Кладбищенский следопыт рассмеялся.

– Да просто всё. Вон на твоём бауле бирка осталась, видно по ней, что рейс буржуйский, у нас бирки другие совсем. Ну, а после европейского чемпионата по футболу, который был всего два года назад, только полный кретин не запомнил флаг Португалии – чемпионов Евро-2016! Вон он у тебя на бирке красуется!

Паша улыбнулся – он совсем забыл, что на его сумке, да и на рюкзаке остались бумажные наклейки с португальскими красно-зелеными цветами. После того, как он прилетел в Питер и получил свой багаж, то их так и не оторвал. И наклейки эти болтались на ручках сумки, а также на одной из лямок рюкзака. Он тут же оторвал эту бумажку от сумки и, не зная куда её определить и не желая мусорить, бросил её в сумку обратно.

– Ладно, кладбищенский ты червь, проехали. О моём бурном прошлом может потом поговорим? А то, если правильно цитировать поговорку, действительно так есть хочется, что и переночевать негде. И как-то непривычно мне твоё погоняло, как тебя звать-величать в этом реальном мире?

Йорик подошёл поближе, с интересом рассматривая Пашины вещи.

– Звать меня Кузьма – вот такое старинное русское имя. А поскольку многие норвят меня Кузей обозвать, то я и привык, что для всех я зовусь Йорик.

Паша улыбнулся.

– Ну, меня вот тоже некоторые самые близкие друзья Йоргеном прозвали. Был такой Святой Йорген, даже книжка такая есть – «Праздник святого Йоргена», вот меня по той книжке и прозвали.

Кузьма с интересом посмотрел на Пашу, потом, как бы невзначай, наклонился над Пашиной сумкой и цапнул злосчастную бирку.

– Каюсь, книжку не читал, а вот фильм с Кторовым и Ильинским смотрел, старый фильм, еще первая часть немая. Кстати, а что на твоей бирке написано? – сменил он тему разговора, вертя в руках оторванную бирку с Пашиной сумки.

– Там написано «международный аэропорт Порту имени Франсишку Са Карнейру». Ты, следопыт, прав – это маркируют вещи пассажиров в аэропорту города Порту. А Франсишку Мануэл Лумбралеш де Са Карнейру – это бывший премьер-министр Португалии. Он погиб в авиакатастрофе в 1980 году, – ответил Паша.

Кузьма хитро улыбнулся.

– Что, таки пас со мной свиней?

И когда Паша удивлённо на него посмотрел, добавил:

– Ну ты же со мной на «вы» общался, сказал, что тыкать не приучен и что со мной свиней не пас. А раз на «ты» со мной заговорил, то, стало быть, пас?

Ерёмин хохотнул и хлопнул Кузьму-Йорика по плечу.

– Пас, пас. Пасуешь ты здорово!

Тот скривился.

– Тише ты, шепутной, и так мне чуть руку не оторвал на хрен. Я же только тебя остановить хотел, а ты сразу в драку...

Паша покачал перед лицом своего нового знакомого указательным пальцем.

– Но-но! Никакой драки не было – чистая самооборона. Откуда я знаю, что тебе в голову взбрело? Простая работа рефлексов – хватают сзади за плечо, значит, надо тут же отреагировать.

Кузьма засмеялся.

– Ничего себе рефлекс. На этих твоих рефлексах можно так отреагировать, что и в гроб человека отправить. Хорошо, хоть кладбище рядом. Ладно, сиделец, пошли ко мне в хату, там расскажешь, где сидел, как до жизни такой докатился и почему у тебя рефлекс такие жёсткие – руки отрывать незнакомым людям.

Паша попытался взять свою сумку, но Кузьма его остановил.

– Хотя тут идти недалеко, кидай свой баул мне на тележку. Довезу, раз уж ты гость. Хотя гость на кладбище – как-то звучит не очень, не считаешь?

Ерёмин покачал головой.

– Ну, я же пока живой, так что гостить можно где угодно. У нас среда обитания сейчас такая, что на кладбище порой безопаснее, нежели в центре города. Кстати, а чего ты тут копался, насколько я знаю, Новодевичье ведь давно уже официально закрыто?

Кузьма, кряхтя, вывез свою тележку в центр аллеи, и, толкая её вперёд, на ходу принялся объяснять.

– Кладбище, конечно, закрыто, но если есть родственники тех, кто тут захоронен, то можно подзахоронения делать. Ну или за могилками старыми уход нужен, вот и организовали здесь бизнес такой – контору открыли, называется «Помни всегда». Мне же, как сторожу здесь платят копейки, могильщики давно не нужны – городские погребальные конторы имеют своих могилокопателей. Вот я и подрабатываю в такой конторе – она и памятники изготовит, и могилу выкопает, и оградку, и реставрацию. В общем, весь спектр услуг. Так что я тут и смотритель кладбища, и сторож, и могильщик и даже садовник. Работы по озеленению стоят дорого, кстати. А тут вообще работы выше крыши – видишь, как всё разрослось?

Паша кивнул.

– Да вижу. Я потому и пришёл сюда, что кладбище это – заброшенное. Я только сегодня прилетел из Португалии. Так что ночевать мне негде, денег тоже кот наплакал... А, как я тебе говорил, среда обитания сейчас здесь самая спокойная. Нет, возможно за восемь лет, что я тут не был, стало спокойнее, но, когда я тут жил, всякое бывало. В общем, пока осмотрюсь, пока обживусь...

Кузьма внезапно остановился.

– Нет, тут уж ты извини. Переночевать сегодня устрою, но дальше ты уж, мил человек, сам как-то устраивайся. Не я тут банкую, у меня начальство есть и напарники. Они сегодня загулять решили, так что я один здесь. А завтра эта троица подвалит, да ещё с похмелья – начнут тебе пытаться диктовать условия, да строить тебя. Ты же, как я погляжу, мужик резкий, поломаешь кого-то, потом снова сядешь, но уже здесь, у нас. Оно тебе надо?

Паша грустно улыбнулся и покачал головой.

– Спасибо, что предупредил. Конечно, ты прав, не нужны мне проблемы. И на том спасибо, что на эту ночь приютишь, завтра будет день – будет и пища, разберусь, что к чему. Опять же, в нашем посольстве отметится надо. Документы получить. Я же сейчас как бы только наполовину гражданин России, а так... В общем, поехали, а то холодно что-то...

Они двинулись дальше ко входу на кладбище.

Административное здание было и конторой, и мастерской, и жильём одновременно. Кузьма подкатил тележку к дальнему входу и оставил её там стоять.

– Завтра уже мусор выкину, всё равно сегодня все могилки не успел благоустроить, еще время будет.

Он достал ключи и открыл одну из дверей.

– Заходи, Святой Йорген, в эту святую обитель, не побрезгуй.

Паша хохотнул.

– Да ну тебя, скажешь тоже. Я давно уже ничем не брезгую, да и брезгливости у меня после тюрьмы давно нет.

Кузьма вопросительно уставился на своего гостя.

– Ну, про тюрьму я понял, а что – в Европе разве тюрьмы не лучше наших? Я по телику смотрел, там у вас и телевизор, и душевая кабина, и все удобства – типа диван или кровать с ортопедическим матрасом. В общем, лафа, а не отсидка!

Паша, разуваясь и положив в угол свой рюкзак и сумку, удивлённо посмотрел на Кузьму.

– Не знаю, что и где ты смотрел, но лафы никакой у меня не было. Судебная система Португалии, чтоб ты знал, является одной из самых жестких в Европе. Я тебе скажу, что португальские заключенные отбывают наиболее длинные в странах Европейского союза сроки. И если, например, та же Швеция тратит 359 евро в день на одного заключенного, то скупердяи из правительства Португалии выделяет на них только около 41 евро в день. А это и еда, и одежда, и постельное бельё, и много чего ещё. Пообедать там в самом дешёвом кафе стоит 5 евро. А нормальный такой обед – это уже 10 евро. Вот и считай. А вообще, скажу тебе, что любая тюрьма – это уж никак не лафа. Даже для тех, для кого тюрьма – дом родной...

Кузьма тоже разулся, снял свою куртку и жестом показал Паше на санузел.

– Так, ты это – давай мой руки, я сейчас сварганю ужин. Ты как – выпить хочешь?

Паша кивнул.

– В принципе, не откажусь. Хотя водку я не пил уже лет двадцать...

Кузьма присвистнул.

– Ты что, так долго сидел?

Паша улыбнулся.

– Да нет, что ты. Просто как-то обжег связки водкой, не рассчитал... С тех пор только коньяк пил. А в Португалии к портвейну местному пристрастился – классное вино, и пьянит, и полезно для здоровья.

Кузьма засмеялся и хлопнул Пашу по плечу.

– Ну ты эстет – портвейн тебе подавай, коньяк. Короче, «Бехеревку» уважаешь? У меня початая бутылка есть, я эту настойку употребляю, а водку сам не пью – не люблю.

– Да, уважаю, уважаю...

Паша кивнул и пошёл мыть руки.

За столом разговор пошёл живее. Конечно, разносолов не наблюдалось – было бы наглостью ещё и перебирать харчами. Но картошка в мундирах, солёные огурчики, домашняя колбаска вызвали самый настоящий восторг у гостя из Португалии.

– Ну, Кузьма, удружил и угодил одновременно, смотри, я в долгу не останусь. Как немного устроюсь, обязательно ещё раз приду в гости, но уже со своим угощением! – еле прожевав очередной кусок, вымолвил Паша.

– А за это не грех и выпить, слава тебе, Господи – во славу твою, к вящей радости, а не ради греха! – провозгласил работник лопаты и метлы.

Когда был утолён первый голод, возникла потребность в светской беседе.

– Ты, Кузьма, как тут за столько лет не спился? Насколько я знаю, кладбищенские работники крепко закладывают, – осторожно поинтересовался Паша.

– Ты прав, закладывают. Мои напарники – такие вахлаки, прости, Господи! Среда эта чуть не засосала, Вера в Господа спасла. Ну и увлечения разные, – дипломатично ответил Кузьма.

– Да уж... Как там говорил один поэт... – Паша наморщил лоб. – Дай вспомню... А, вот...

Он вытянул вперёд руку в шутливом жесте и стал декламировать:

Нелегко осилить одному... – Вне среды поэтов не бывает Ни в Ельце, ни в Киеве – нигде. И, когда печаль одолевает, каждый сильно тянется к среде. Там всегда найдется для беседы. Кто-нибудь ровесник по уму, Ибо все сомнения и беды

Кузьма внимательно посмотрел на гостя и неожиданно продолжил:

Ты, да я, да Лермонтов, да Блок!»— Можно сесть и выдохнуть устало В расписной знакомый потолок, «Боже мой, как мало нас, как мало!

На лице у Ерёмина было написано такое неподдельное удивление, что Кузьма захохотал, потом снова достал бутылку с «Бехеревкой» и разлил по кружкам – бокалов в кладбищенской сторожке отродясь не было.

– Елена Казанцева, поэтесса и бард, знал её. Я вообще одно время с бардами тусовался, а потом откололся от них... – сказал, выпив, Кузьма.

И потом, отвечая на немой вопрос Паши, продолжил:

– Фальшивые они. Поют про любовь и верность, а сами блудят, поют про товарищей и дружбу, а сами гадят друг-другу исподтишка, интриги плетут. Злословят друг на дружку за спиной, завидуют. А уж про Родину сколько спели... Но, случись война – первые побегут туда, где жопу свою можно укрыть! Так что я иногда читаю их стихи, слушаю песни, но больше интересуюсь настоящей поэзией. Лучше Ахматовой или Ахмадулиной ни один бард ещё не смог сочинить. Все эти визборовские «лыжи у печки стоят» так и остались костровыми песнями...

Паша кивнул головой, но всё же решил возразить:

– Ну, барды – согласен, знал их, тоже одно время в горы ходил, все эти песни у костра... Но вот насчёт поэтов ты не прав – много сейчас есть современных поэтов, интересных. Вот послушай...

Паша снова наморщил лоб, вспоминая, затем прочитал:

– Часть недоигранной мелодии,
Остывший желтый серпик месяца.
Потерянный конец истории
Мой ангел скоро перебесится...

Кузьма помолчал, затем спросил:

– Очень здорово написано. А кто это написал?

Паша помотал головой. Почему-то, когда он читал эти строки, вдруг сами собой слёзы появлялись у него на глазах. Он не думал, что воспоминания вот так внезапно смогут рвануться из самых потаённых уголков души, куда он их старательно заталкивал...

А потом они сжали его горло, и ни вздохнуть, ни охнуть...

Глава третья. Мой ангел скоро перебесится...

Это была даже не любовь. Точнее, не совсем любовь. Или не только любовь. Это было какое-то наваждение.

Паша тогда не только занимался альпинизмом и ездил в горы – он ещё внезапно обнаружил у себя талант певца и поэта. Сначала он стеснялся показывать свои стихи, но под влиянием старших товарищей, взяв в руки гитару и научившись на ней играть, вдруг стал сочинять песни. Свои песни. А когда осмелился спеть их однажды у костра, с удивлением увидел, что его песни людям нравятся. И даже очень нравятся. Так постепенно Паша вырвался из узкого круга костровых исполнителей и дорос до фестивалей авторской песни. А потом стал лауреатом нескольких таких фестивалей. В общем, кочевая спортивная жизнь плавно переросла в кочевую жизнь барда. Правда, альпинизм Паша к тому времени уже забросил, выполнив по скалолазанию норматив кандидата в мастера спорта, а вот сочинительством увлёкся не на шутку. И вот на одном из таких фестивалей авторской песни в Крыму он встретил ЕЁ.

На этом бардовском фестивале Паша, как всегда, выступал со своими песнями. Точнее, принимал участие в конкурсном концерте. Он тогда ещё не стал известным автором-исполнителем, но уже снискал популярность в тусовке и его имя стало мелькать в афишах небольших концертов авторской песни в разных городах бывшего Советского Союза. Денег эти концерты почти не приносили, но известность и популярность того стоили. Потому что постепенно его стали приглашать выступить всё чаще и чаще.

Вечером, после фестивального концерта, его пригласили попеть у костра в одном из палаточных лагерей. И вот во время своего вечернего выступления он и познакомился с ней.

В сущности, ничего в этой девушке такого не было. Он даже сначала и не заинтересовался Машей – так её звали. И только когда он узнал её фамилию, что-то в его сердце ёкнуло. Потому что фамилия у неё была очень нежная – Зайкина. Маша Зайкина. И сама она была очень нежная, даже, можно сказать, трепетная. Смешно получилось – Маша и Паша. Они сидели рядом после его выступления, и Маша что-то взахлёб говорила Паше, хвалила его песни, рассказывала о себе, о своих друзьях, с которыми она приехала сюда. Поначалу девушка привлекла Пашу вовсе не своей экзотической красотой – неброской, но очень запоминающейся, не умением много и быстро говорить, словно щебетать, и даже не своим голосом – Маша прекрасно пела и вообще училась в консерватории на композитора. Просто она была необычайно милая и мягкая. С ней было легко и свободно. А ещё она была очень умная. Потому что всё своё детство провела с книгами – также, как и Паша. У них сразу же нашлись и любимые авторы, и любимые книги. А потом пошли поэты, потом – фильмы, потом театр, живопись, музыка... Проговорили они почти всю ночь – ходили по ночному черноморскому побережью, и говорили, говорили... И даже не подумали о том, что можно, например, искупаться. Голышом. Ночью ведь так часто парни и девушки купались вместе голыми в Чёрном море. Особенно на фестивалях авторской песни, которые проходили в Крыму. Традиция...

Вот только ни Паше, ни Маше не хотелось ничего, кроме возможности просто быть рядом. И говорить, говорить, говорить... Паше казалось, до встречи с этой девушкой он всю жизнь молчал. И только сейчас научился говорить. Это было волшебно – говорить, когда тебя понимают. И принимают таким, какой ты есть! Самое настоящее блаженство, когда тебя понимают и принимают! Наверное, это было то самое чувство, которое потом назовут любовью. Но тогда это была еще не любовь – это было доверие и единение. А ведь для любви нужен ещё и третий компонент – близость. В том числе и интимная.

И вот как раз к этому ни Паша, ни Маша не стремились. Им и так вдвоём было хорошо. Даже слишком хорошо, чтобы портить это единение банальным сексом.

А вот Машины приятели считали иначе. И после того, как счастливые и улыбающиеся «недовлюблённые» под утро вернулись в палаточный лагерь, Пашу ждал сюрприз в виде рас- свирепевших «мачо» из Мариуполя – города, откуда приехала на фестиваль Маша Зайкина.

– Эй, Ромео недоделанный, поговорить надо? – резко выдохнул один парнишка из ком- пании, которая поджидала Пашу недалеко от Машиной палатки.

– Рома, не надо, ребята, вы чего? Мы просто гуляли! – Маша бросилась к своим друзьям.

Но те её мягко отстранили, а Рома выкрикнул:

– Я Диме ещё расскажу о твоих ночных похождениях, «просто гулёна», а вот к твоему ухажёру вопросы у нас отдельно будут!

Паша улыбнулся и сказал:

– Маша, ты иди, поспи немного, не волнуйся. Ребятам просто хочется немного размяться, утро ведь, зарядка не помешает. Я обещаю никого не травмировать, ты мне веришь?

Маша улыбнулась и погрозила ему пальцем:

– Смотри, ты обещал. Аккуратнее там, ребятам еще выступать.

С этими словами девушка скрылась в своей палатке, оставив своих «телохранителей» в полном изумлении. Ну, они же не гуляли с Пашей всю ночь, а он не делился с ними подроб- ностями своей биографии. Иначе парни не стали бы вот так резко нарываться. Но слово было сказано и мужской разговор должен был состояться. Тем более, что повод был вроде бы желез- ный – «какой-то хмырь охмуряет нашу девчонку». И по всем канонам Паша должен был пояс- нить свою наглость и ответить за своё поведение.

– Так ты что, спортсмен? Ну, идём, спортсмен, «на зарядку по порядку, на зарядку, на зарядку становись», – кривляясь, пропел Рома.

– Парни, идёмте на пляж, там и поговорим. И разомнёмся, и зарядку сделаем, – миро- любиво произнёс Паша и, повернувшись к своему визави спиной, направился к пляжу.

Этого Рома вынести не смог и с криком «Я тебе сейчас сделаю зарядку!» попытался вре- зать Паше ногой под зад. На что тот просто внезапно повернулся вполоборота и как-то неза- метно рукой перехватил ногу Ромы, которую тот занёс для удара. Секунда – и грозный напа- дающий грохнулся на спину, зашипев от боли.

– Я же сказал – идём на пляж, там вам падать будет удобнее, – улыбнулся Паша и, как ни в чём ни бывало, зашагал в сторону моря.

Когда Машины приятели, немного ошарашенные произошедшим, высыпали на пляж, Паша стоял и разминался, выполняя свой обычный утренний комплекс упражнений – растяжка ног, повороты головы, туловища, приседания. Он, казалось бы, не обращал внимания на мари- упольских бардов, решительно настроенных на выяснение отношений.

– Слышь ты, хрен с бугра, кончай выпендриваться! Зарядку он тут делает! Счас как заряджу тебе в табло – сразу зарядишься по полной! – снова выскочил вперёд Рома.

Паша улыбнулся.

– Тебя как зовут, зарядное устройство?

Рома набычился.

– Я тут с тобой не знакомиться пришёл.

Паша рассмеялся.

– Ну, ты уже со мной немного познакомился. Ещё хочешь?

Рома взбеленился.

– Ты счас со всеми нами познакомишься, дятел!

Паша нахмурился.

– А вот это уже серьёзная предьява. Обоснуй! Иначе ответить придётся.

Вперёд вышел ещё один парень, более массивный, нежели шклявый и малорослый Рома.

– Мы тебе ничего не должны обосновывать. Это ты сейчас ответишь нам.

Паша демонстративно продолжил растягиваться, бросив через плечо:

– Я вам ничего не должен и отвечать не собираюсь. К тому же вы пока и не спросили у меня ничего.

Парень сплюнул и, заводя себя, выкрикнул:

– Да мы если спросим, то ты тут ляжешь, спортсмен. Нечего к нашей девчонке клеиться!

Паша снова улыбнулся, прекратил разминаться и, обращаясь ко всей компании, спросил:

– Ребята, вы же взрослые люди. Маша тоже взрослый человек и сама может решать, с кем, где и когда ей гулять. Шли бы вы к себе, а то какое-то детство у вас играет в одном месте, защитнички.

Эти миролюбивые слова «шли бы вы к себе» почему-то привели к обратному действию – они как раз Рому вывели из себя. И он ринулся в бой. Подскочив к Паше, парень с ходу попытался было устроить реванш и снова занёс ногу для удара, намереваясь пробить что-то вроде какого-то корявого «мая гери» в живот своему противнику. Паша точно так же, повернувшись в пол-оборота к нападавшему, снизу подцепил левой рукой летевшую ему в живот ногу, а правой рукой, прихватив эту ногу в районе пятки, резко рванул её вверх. И поскольку Рома не обладал растяжкой балерины, то закономерно улетел сначала вверх, а потом вниз. Песок оказался заметно мягче утоптанной земли на полянке возле палаток, поэтому заметного урона поверженный «борец» не ощутил и тут же вскочил, отплёвываясь от попавшего ему в рот песка.

Но сразу же активизировались остальные четверо из клана «мстителей». Первым атаковал тот самый мощный парень, обещавший уложить «спортсмена». Он, судя по ухваткам, занимался боксом и вполне мог своими прямыми и боковыми положить не только Пашу, но и любого противника в течении нескольких секунд. Если бы попал.

Паша не стал подставляться и изображать боксёрскую «грушу». Он моментально ушёл уклоном влево и одновременно поднырнул под правую руку боксёра. При этом свою правую руку он набросил на левое плечо атакующего его парня и своей левой рукой сразу же замкнул на его шее удушающий захват, который называется «анаконда». Эта комбинация в смешанных единоборствах называется «треугольник руками». Со стороны можно было подумать, что парни внезапно решили обняться. Но через три секунды обнимавшийся с Пашей боксёр стал дёргаться, а потом вдруг рухнул на песок. А его соперник склонился над ним и похлопал его по щекам. Остальные резко затормозили.

– Что с ним? – спросил уже было занёсший руку для удара высокий и жилистый парень, который собирался поддержать своего товарища в нанесении побоев «клеятелю их девчонки».

– Ничего страшного, лёгкий обморок, от негодования задохнулся мальчик, сейчас придёт в себя, – улыбаясь, ответил Паша и выпрямился.

– Ребята, давайте прекращать дурака валять, я уже двоих из вас повалял, вы хотите быть на их месте?

– Слышь ты, спортсмен-самоучка, мы тебе сейчас покажем, кто тут дурак, – снова выскочил вперёд неугомонный Рома.

Паша рассмеялся.

– Рома, ты, видимо, верующий?

Рома тут же окрысился.

– Да, верующий, но тебя это не касается. Ответишь за Машу сейчас же!

Паша перестал улыбаться и тяжело вздохнул.

– Ну, что ж, бог троицу любит.

С этими словами он как-то внезапно оказался рядом с Ромой и сделал неувлимо быстрое движение правой рукой. После чего Рома резко согнулся и, хватая ртом воздух, сдуслся, как пробитый футбольный мяч. Казалось, было даже слышно, как парень спускает воздух через стиснутые зубы.

– Парни, Маша просила вас не травмировать, и я пока своё слово сдержал. Но если вы так и дальше будете продолжать, то сами себя покалечите. К тому же вас много и я в этой

толпе могу случайно промахнуться и кого-то серьёзно задеть, пока вы своими граблями тут размахиваете. Оно вам надо? Вы же вроде интеллигентные люди, в авторскую песню пришли не руками-ногами махать? Словам можно всё решить, не так ли? А если руками хочется помахать, то чего же вы все на одного? Не по понятиям это, не по-пацански. И, потом, сначала надо предъявить мне что-то, а не вот это детство – «с нашей девчонкой гуляет». Вы ещё скажите – «на нашей улице ходит».

Высокий парень, поднимая шатавшегося и постепенно приходящего в себя боксёра, кивнул двоим своим стоявшим чуть поодаль приятелям:

– Валера, Стас, объясните ему.

Те, не говоря ни слова, тут же кинулись в драку. Но Паша моментально переместился в сторону нападавших и встретил первого неуловимым движением правой руки, хлестнув ослабленной кистью нападавшего парня по лицу, а второму нанёс той же рукой удар открытой ладонью навстречу, но немного сбоку. Получилась такая звонкая оплеуха, которая буквально срубила толстяка, набегавшего с явным намерением растоптать врага. Первый нападавший схватился за глаза и завыл, присев на корточки. Второй, получив оплеуху, опрокинулся навзничь и запричитал:

– Уй-уй-уй-уй, бляяаяая, больноооо....

Паша, внезапно оказавшись возле высокого, перехватил его руку в районе кисти и, проведя болевой приём под названием «рычаг кисти наружу», тихо спросил:

– Тебе сейчас руку сломать, или, наконец, уймётесь?

Высокий, сразу став низким, согнувшись от боли, прошипел:

– Пусти, больно, всё, всё, давай поговорим... просто поговорим...

Паша отпустил руку парня и проворчал:

– А раньше поговорить сложно было? Предупреждал ведь вас, непути...

Впоследствии ребята из Мариуполя оказались вполне нормальными и компанейскими людьми. Потянула их на скользкую хулиганскую тропу «мстителей» уверенность в том, что они должны блюсти «честь и непорочность» Маши Зайкиной. Которая, как оказалось, встречалась с их приятелем и, по их словам, даже почти была его невестой. Вот это «почти» и давало компании право решать за Машу, как ей проводить своё личное время. А самым ревнивым оказался именно Рома, поскольку этот самый «жених» был его лучшим другом. Именно поэтому он и начал поднимать кипишь, склоняя свою компанию вправить мозги наглому ухажёру «почти невесты» его лучшего друга.

И вот ведь как бывает в жизни – не устрой мариупольские барды Паше сцену ревности, и не попытайся они вызвать его на эдакую дуэль, может быть, ничего бы и не было. В том смысле, что у Паши с Машей не возник бы позже роман, который плавно перешёл в нечто большее. Ну, встретились, ну, пообщались, ну, прогулялись. И всё! Мало ли с кем Павел Ерёмин вот так встречался и так же расставался? За всю свою спортивную карьеру на сборах и соревнованиях он столько раз знакомился с разными привлекательными девушками, что не считал эти знакомства к чему-то обязывающими. Встретились, познакомились, потом расстались – порой даже кроме самого факта знакомства больше и не было ничего. Просто разговаривали, общались. Вот так же, бывало, жили в палаточных лагерях – гитара, костёр, романтика. Но тогда Паша был ещё совсем юным и в основном интересовался девушками лишь в романтически-платоническом аспекте. Как настоящий ботаник-книголюб, воспитанный на книгах и фильмах советского периода, где после того, как девушка и юноша целовались, авторы не рассказывали, что же было потом. А в фильмах камера стыдливо уходила в сторону потолка...

Впрочем, и после того, как Паша узнал про это самое «потом», он не особо стремился к каким-либо серьёзным отношениям с противоположным полом. Потому что, как у всякого романтика, с ним всё-таки однажды приключилась та самая «несчастливая любовь». То есть, он влюбился в красивую девушку, которая по возрасту была младше его, зато по опыту была

намного старше. И пока Паша лепетал о своих чувствах, она вначале его внимательно слушала. Ему достаточно было просто прикоснуться к своей принцессе, просто быть с ней рядом, просто говорить с ней. А надо было не только говорить! Девушке хотелось чего-то большего. Поэтому вскоре она, чтобы отвести назойливого ухажёра-романтика, сказала ему, что беременна. И даже когда Паша пролепетал, что согласен на ней жениться, Лена – так её звали – рассмеялась и, погладив Ерёмину по голове, нежно ему сказала:

– Паша, всё у тебя будет хорошо. И ты встретишь ту девушку, которая будет тебя любить. И ты будешь её любить. Просто ты пока не готов. Подрости немного, малыш!

С тех пор у Паши были девушки, и не одна. Но такого сердечного трепета, как тогда с Леной, он ни разу не испытал. Хотя, если честно, за эти годы он многое понял. И стал более уверенным в себе. Он легко знакомился с девушками, легко покорял их и особо не расстраивался, когда расставался с ними. Просто ни одна из тех, кого покорял он, не покорила его. Не в том смысле глагола «покорить», который от существительного «покорность», нет. Все эти глаголы «покорить», «завоевать», «обладать» – они все из какого-то военно-армейского лексикона. Что может быть более противоположными по смыслу и наполнению, нежели война и любовь? А фраза «украл моё сердце» не только пафосна и глупа, но и из области какого-то бандитизма. Какие-то криминальные чувства, честное слово!

В общем, Пашу длительное время устраивала холостяцкая жизнь, потому что он серьёзно занимался спортом и даже закончил институт физкультуры. Постоянные сборы, соревнования, поездки по стране – какая тут семья? Ну, и зарабатывать юный спортсмен толком не мог – времени просто не было. А потом, когда Паша переключился на каратэ, а после на ушу и другие единоборства, ему вообще стало не до женщин. Нет, конечно, мимолётные встречи у него с противоположным полом были, но приоритеты поменялись. Зачем человеку, который идёт по пути Бусидо – Пути Воина – зачем ему спутник? Точнее, спутница?

И вот тут – такая встреча...

Итак, если бы мариупольские мачо не форсировали события, наверное, Паша и Маша, погуляв и наговорившись вдоволь, разъехавшись по своим городам, через неделю и не вспомнили бы о той встрече и тех разговорах. По крайней мере, Паша, вернувшись домой, попал в сложный переплёт – его друзей-боксёров, которые занимались после института тем, что вышибали у коммерсантов долги, обвинили в рэке и посадили в СИЗО. А потом и над самим Ерёмным нависла угроза ареста, хотя он, как говорится, был «не при делах». Но в лихих 90-х органы правопорядка часто сначала стреляли или сажали, а потом разбирались. Кстати, стреляли в те времена много, пули летели с обеих сторон, так что однажды прилетело и Ерёмину. Впрочем, это уже отдельная история.

В общем, пока Паша разруливал ситуацию, пока разговаривал с нужными и авторитетными людьми, ему было не до романтических воспоминаний. И когда он однажды утром достал из почтового ящика письмо из Саратова, то вначале даже не понял – кто это ему вдруг решил написать? И только когда он прочитал имя отправителя, его как будто стукнули пыльным мешком из-за угла по голове: Маша Зайкина! Кстати, позже он узнал, что фамилия у Маши была совсем обычная – Фёдорова. А Зайкина – это была фамилия её бабушки, к которой она сбежала в Саратов. Да-да, именно сбежала. Бросила учёбу в Донецкой музыкальной академии, плюнула на карьеру певицы – ведь она пела в престижном ресторане, и – фьють!

Как Паша узнал из письма, Маша жила у своей бабушки в Саратове. И жила достаточно бедно. Она, естественно, прямо это не написала, но в нескольких фразах, описывая свой быт, проговорила о каких-то «копушечках», которые копит на необходимые вещи. Позже Ерёмин узнал о причинах, которые побудили Машу сбежать из родного Мариуполя. Не последней такой причиной стал и тот самый Дима, который считал себя Машиным женихом. Наверное, были и другие причины, но главное было не в этом – Паша просто был счастлив получать от Маши письма. И писать ответные. У них начался эдакий эпистолярный роман. Точнее, их

крымский роман продолжился и вспыхнул с новой силой. Паше в то время, как никогда, нужен был понимающий и говорящий с ним на одном языке друг, соратник и... Паша даже сам не понимал, кем для него была Маша. Она просто стала для него и другом, и Музой, и глотком свежего воздуха. А, если сказать точнее – заполнила ту пустоту, которую он давно носил в своём сердце и заполнял её новыми песнями и стихами. Но все эти песни и стихи были только суррогатом, неким заменителем того чувства, которое он испытал когда-то и которое так безвозвратно сгорело вместе с Леной. И вот только когда в его жизни появилась Маша, он понял, что Лена – это была только прелюдия. Только старт на дороге, по который он шёл все эти годы. И вот, наконец, пришёл!

Они переписывались почти полгода, начав переписку суровой зимой, когда, казалось, всем не до каких-то там тёплых чувств. И оба радовались каждому новому письму. В своих письмах и Маша, и Паша продолжали откровенно говорить друг-другу о том, что их волнует в жизни и в мире. Пока вдруг не поняли, что каждого из них больше всего волнует только один человек...

Окончательно они поняли, что не могут друг без друга, когда Паша, заработав денег, стал звонить Маше по межгороду. Денег эти разговоры съедали немерено. Однажды Паша наговорил по телефону на целых двести долларов – сумма в конце 90-х просто космическая. Но разве можно измерить счастье деньгами? Или любовь? Настоящую любовь? Что, сказать своей девушке – я люблю тебя на сумму такую-то и такую? Правда, смешно?

В общем, эпистолярный роман перешёл в новую фазу и снова Маша и Паша были вместе. А потом Маша внезапно приехала. Просто взяла и приехала к Паше. И когда утром у него в квартире зазвонил телефон, он не сразу понял, что Маша звонит ему не из Саратова, а стоит на железнодорожном вокзале в Симферополе. И Паша, быстро умывшись и одевшись, помчался на вокзал.

Неделя полного счастья! Они растворялись друг в друге. Они жили друг другом и в то же время не могли жить друг без друга! Они стали единым целым и даже Пашины друзья, восхищенно глядя на Машу, совсем не узнавали своего друга. Потому что он просто превратился в Машину тень. Зато Маша, которая раньше была, как тень, и жила, как серая мышка – потихоньку и незаметно – расцвела просто на глазах. И оказалось, что она была просто ослепительно красива. Просто раньше она это умело скрывала.

Но счастье не может длиться вечно. Несмотря на то, что они, казалось, были созданы друг для друга, оказалось, что жизненные обстоятельства всё же сильнее. Сначала у Маши умерла бабушка и она была вынуждена поехать в Саратов. А оттуда мама забрала её в Мариуполь. А потом... Потом оказалось, что Маша – верующая. И не просто верующая – она входила в секту Свидетелей Иеговы. Как и её мама. И за то короткое время, пока она была вдали от Паши, эти «свидетели» успели рассказать ей о её преступлениях. Что это – не любовь, а блуд, что господь её накажет, что бабушка умерла потому, что она, Маша, грешила... В общем, когда Паша примчался в Мариуполь, он Машу не узнал. У неё были какие-то пустые тусклые глаза и отрешённое лицо. А ещё она была снова с этим своим Димой. Который в этой секте был кем-то вроде пастора. В общем, Паша не стал ничего говорить, не стал бороться. Он просто повернулся и уехал...

Увы, тогда Паша ещё не мог заменить собой Бога. И хотя верил в себя, но мало кто верил в него. А от Маши остался небольшой блокнотик с её стихами. Теми самыми...

– *Часть недоигранной мелодии,
Остывший желтый серпик месяца.
Потерянный конец истории
Мой ангел скоро перебесится...*

Глава четвёртая. У каждого – свой бог

Ночь на петербургском Новодевичьем кладбище оказалась бурной. Паша-Йорген рассказывал о себе, а Кузьма-Йорик – о кладбище. И обоим было интересно, ведь Йорик мог рассказывать о своей скорбной обители часами. Паша узнал, что кроме поэта Некрасова здесь были похоронены многие известные люди – поэт Фёдор Тютчев, знаменитый художник Михаил Врубель. А ещё на Новодевичьем кладбище были могилы Сергея Петровича Боткина, известного медика, учёного и создателя Боткинских барачков, ныне ставших инфекционной больницей имени Боткина, и Дмитрия Оскаровича Отта – лейб-акушера семьи Николая II, в честь которого назван НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии в России. Но среди некогда знаменитых, но подзабытых россиян на питерском Новодевичьем были похоронены не только медики или поэты-художники. Например, там была могила Николая Владимировича Щукина, спроектировавшего один из первых русских паровозов. Или, например, могила Вячеслава Константиновича Плеве – сенатора, убитого террористом-революционером. Кстати, по словам Кузьмы, могила этого царского сановника после революции 1917 года была разрушена, и не так давно её восстановили.

Рассказал Йорик Йоргену и различные легенды, связанные с кладбищем. Например, о статуе Христа, которая стоит на могиле жены генерала Алексея Вершинина – Анны Вершининой.

– Что интересно – в советское время эта могила стала местом паломничества, здесь оставляли записки и всегда горели свечи. До сих пор к установленной здесь бронзовой скульптуре Христа ежедневно приходит множество людей. Сюда с надеждой на помощь приезжают не только петербуржцы, но и жители других городов, – вдохновенно вещал Кузьма, размахивая вилкой с наколотой на ней картошкой.

– Ты, это, Йорик, вилкой поаккуратнее, а то в глаз себе же и заедешь, станешь сразу Циклопом, – опасливо пробурчал Паша.

Но Кузьма, видимо, давно не получал столь благодарного слушателя, поэтому остановить его уже было невозможно. Да, честно говоря, и не хотелось – уж больно интересные вещи он рассказывал.

– Представляешь, никто не мог объяснить этот феномен! Ведь такой же памятник стоял и на лютеранском Волковском кладбище, там Христос был ещё более красивым. Эту статую Спасителя установили над семейным захоронением баронов Остен-Дризен, причём, скопировали, видимо, с памятника над могилой Анны Вершининой. Да только люди идут к Христу не на Волковское кладбище, а к нам, на Новодевичье. На могиле Анны Вершининой постоянно лежат цветы и горят свечи. Да что там! Вокруг этой могилы сложился целый культ со своими традициями и верованиями. Каждый день к статуе Христа выстраивается очередь. Целуют бронзовую руку Спасителя, стараются вложить в неё записочки с просьбами! Прямо как у Стены Плача, ей богу!

Тут Кузьма перекрестился и продолжил.

– А есть такие, кто поливают статую водой и подставляют бутылочки под стекающие капли. Мол, освященная таким образом вода обладает чудодейственной силой и исцеляет от многих болезней. Ну, вообще-то Христос помогает каждому, кто обращается к нему с молитвой. И не обязательно вот прямо к статуе приходить, в церковь надо идти, молиться!

Кузьма выставил указательный палец и многозначительно поднял глаза вверх, указав пальцем, видимо, на бога.

– Всё это, конечно, предрассудки, какое-то идолопоклонство, надо искренне верить в бога нашего, Иисуса Христа, молиться и не грешить. Но, вообще-то, есть такая легенда – не знаю, правда или нет, но вроде в интернете читал, что был такой факт.

Паша улыбнулся.

– Экий ты продвинутый гробокопатель, Кузьма. Столько всего про это кладбище знаешь, интернет читаешь. Тебе тут экскурсоводом надо работать.

Кузьма хитро усмехнулся и подмигнул.

– Ну, скажем, иногда я и этим подрабатываю, есть в моём райдере такая услуга.

Паша рассмеялся.

– Слышь, экскурсовод, райдер – это не список услуг, который оказываешь ты, а список услуг, которые должны оказывать тебе. Грамотей!

Кузьма насутился.

– Да какая хрен разница! Испоганили русскую речь заморскими словечками!

– Дак ты сам свою речь поганишь! – не остался в долгу Паша. – Сказал бы просто – в списке моих услуг или там профессиональных навыков есть и вот это.

Увидев, что Кузьма уже на взводе – выпита была не одна бутылка «Бехеревки», а две – Паша поднял руки вверх.

– Молчу-молчу, всё, брэк! Что там за легенда с этой статуей, рассказывай.

Кузьма-Йорик сразу просиял и продолжил вдохновенный рассказ.

– Супруги Вершинины были представителями известных дворянских родов Войска Донского. Девичья фамилия Анны Вершининой – Карпова. Она внучка генерала, который в 1812 году командовал казачьим отрядом. За успешное ведение боев Аким Акимович Карпов был удостоен многих наград, его портрет имеется в военной галерее Зимнего дворца. Генерал-майором был и её отец, которого тоже звали Акимом Акимовичем. И мужем Анны стал сын офицера Войска Донского – Алексей Вершинин. Который так же вышел в генералы. В общем, семья получилась крепкой и жили они счастливо. Но Анна Вершинина умерла. Генерал сильно любил свою жену и тяжело переживал утрату. Рассказывают, что Анна очень печалилась о том, что после смерти о ней никто не вспомнит. Во сне она увидела Спасителя, который подсказал ей заранее откупить место на кладбище и установить там своё бронзовое изображение – и тогда каждый прохожий непременно помолится здесь. Так и было сделано: генерал купил место на Новодевичьем и установил там статую Христа.

Здесь рассказчик перевёл дух и, решив промочить горло, налил себе рюмку и вдохновенно выпил. Потом снова перекрестился и продолжил рассказ.

– Со статуей Спасителя связано сразу несколько легенд. По непонятным причинам могила Вершининой избежала разрушений, которые коснулись других могил. Есть легенда о том, как мародеры пытались украсть статую. Они собирались отвезти ее на переплавку в качестве цветного металла. Скульптура оказалась слишком тяжелой и ее решили распилить на части. Сначала отпилили ступни и унесли их. Так вот, по легенде тот человек, что отпиливал, тем же вечером попал под трамвай и лишился ног. Остальные участники этого мероприятия решили, что это знак и не стали довершать начатое. Так оно было или нет, но остальная фигура осталась целой и сейчас установлена на прежнем месте. Лишь нижняя часть ног скрыта в бетоне – ступни Христа так и не были восстановлены.

Паша изобразил аплодисменты.

– Браво, Кузьма, браво. Но, должен тебе сказать, что я во все эти легенды с упоминанием Иисуса не верю. Ты же сам сказал – чистое идолопоклонство. И, я так понимаю, ты в бога веришь по-настоящему, без дураков?

Йорик снова насутился.

– Ты это, Йорген, ты бога не трожь. Как можно верить не по-настоящему? Ты либо веришь, либо нет. А все эти чинуши, которые напоказ крестятся и в церковь ходят, они просто фарисеи, веру поганят и на ней спекулируют. Таких Христос из церкви выгнал поганой метлой.

Паша улыбнулся и примирительно похлопал Кузьму по плечу.

– Не заводись, я против веры в бога ничего не имею. Я, как бы это сказать...

Он немного помолчал, потом продолжил.

– Как это говорили во времена установления советской власти – я не верующий, но сочувствующий. Понимаешь, я же рос в Советском Союзе, и в школе учился советской, и родители мои были атеистами. Так что не сподобил меня господь, точнее, не надоумил.

Кузьма внезапно резко перебил своего гостя.

– А господь не должен каждого недоумка вразумлять! Ты сам, своей башкой до всего дойти должен! Не верующий он! Это не проблемы господя, это твои проблемы! Веришь ты или не веришь – кому какое дело? И уж тем более, не божье!

Паша удивился.

– Погоди, но разве бог не заинтересован в том, чтобы верующих людей было больше?

Кузьма зло окрысился.

– Господь – это тебе не менеджер по продажам, он веру не втюхивает, как битое авто после аварии. Ты сам, своим умом должен прийти к богу. А если не пришёл, значит, не готов ещё. Не созрел! Господь – он для осознанных людей, для тех, кто нуждается в боге.

Паша поднял руки вверх.

– Так, стоп, ты на меня волком не смотри, Кузьма, и не жги глаголом. И взглядом тоже не прожигай. Я же не против веры и не против бога, я очень даже «за». Просто вот так получилось, что не снизошла пока на меня благодать сия, понимаешь? Всему своё время!

Кузьма махнул рукой, остывая.

– Да ладно, ты-то тут при чём? Это я так, осерчал маленько, вспомнилось, что у нас из храмов порой посмешище делают. Да и церковники наши тоже хороши – в «мерседесах» ездят, часы дорогие, в роскоши живут. Они разве о боге думают? О пузе своём радеют, о богатстве. Вот ты начал говорить о том, что не веришь – так при таких «святых» отцах – слово «святых» Кузьма произнёс с издёвкой – разве народ будет в бога верить? Сегодня в бога верят те, у кого больше нет надежды, кому не на что надеяться! Создатель для них – последняя надежда на справедливость, на чудо!

Паша тяжело вздохнул.

– Мда, справедливость сегодня – это действительно чудо...

Если говорить о вере в бога, то Паша действительно хотел бы верить. Он и в церковь пробовал ходить, и молиться пытался, но как-то у него не получалось. Молиться надо было регулярно: проснулся утром – молитва пробуждения, позавтракать – перед едой помолиться надо, потом после еды. Сделал работу – помолиться, чтобы удачно всё получилось, и так весь день. Перед сном – тоже надо помолиться. А ещё соблюдать все посты, все правила, не злословить, не проклинать никого. А как тут не проклинать и не злословить при такой-то жизни собачьей? Потому Паша и не мог окончательно поверить в бога. То есть, он в душе понимал – нужна ему вера, ведь должен человек хоть во что-то верить? А он ведь настолько во всём разуверился, что в душе образовалась какая-то щемящая пустота, которую срочно надо было заполнить. И если не было там любви и нежности к человеку, то, возможно, должна была появиться любовь к богу?

Однако Паша Ерёмин за последние несколько лет настолько ожесточился и, можно сказать, даже озверел, что никак в его душе не могла уместиться любовь. Тем более, не к какому-то конкретному человеку, не к родному ребёнку, а к божеству. Причём, абстрактному, которое как бы есть, но его как бы и нет. А события, которые произошли в его жизни, так сильно отразились на его характере, что ему в последние годы вообще было не до любви. Ну не верил он в то, что он, Паша, кому-то нужен и кто-то может его вот так запросто полюбить. А ведь как можно верить тому, кого не любишь и как можно любить того, кому не веришь?

И всё же отношения с небесами у Паши были. Но такие... своеобразные. В бога он почти не верил. Ни в Христа, ни в Аллаха, ни в Будду, ни в какого-либо бога вообще. Вернее, он верил в то, что в мире имеется нечто такое – в общем, какая-то сила вроде бы есть, но действует очень избирательно и как-то совершенно нелогично. Мерзавцы живут припеваючи, а хорошие

люди или умирают, или находятся в глубокой заднице – нищенствуют, страдают, болеют, и, в конце концов, тоже умирают. И где, скажите, божья справедливость? Где наказание за грехи? Ну и священники – эти жирные ублюдки, разъезжающие на крутых иномарках, жирующие за счёт своих прихожан, поучающие тех, как надо жить и чтить церковь – все они вызывали у Ерёмина просто дикое желание размазать их по асфальту. Настоящего священника он увидел лишь однажды – в тюрьме. Точнее, в следственном изоляторе. Отец Василий по субботам приходил к заключённым, чтобы служить в тюремной церкви, в которую превратили одну из камер. Но это было очень давно и с тех пор ни одного нормального служителя церкви Паша больше не видел.

Поэтому, как бы веря в какое-то мистическое начало, которое всё же управляет этим миром, он общался с воображаемым господом, как со своим давним приятелем. Причём, с таким приятелем, который постоянно «косячил». И поэтому Паша часто, когда ему было особенно хреново и в очередной раз его накрывала волна тоски и хандры, выговаривал своему Господу за все его проколы.

– Ты, ё... твою бога душу мать, какого х... опять ко мне приеб...ся?! Тебе, б..., мало? Семьи у меня нет, родины нет, работы нет, профессия моя на х... никому не нужна – что тебе ещё от меня надо, срань господня?! Тебе, с...ка, больше некому мозги еб...ть? Грешников тебе мало? Я не пью, не курю, баб не е..., монах, бля! Ем и то не каждый день! Работаю, как проклятый, детям все деньги отсылаю – а ты меня продолжаешь хера...ть?! Да пошёл ты, господи, на х...!

Вот так примерно строился его диалог с богом, когда Паша жил в Португалии и работал на стройке. А потом, когда он сел в тюрьму, то продолжал общаться с богом в такой же экспрессивной манере. Если бы его набожные сокамерники-португальцы знали русский язык и смогли понять, какие речи этот странный «руссо» ведёт с Отцом Небесным, они бы пришли в ужас и моментально «выломались» бы из его камеры. Потому что с таким безбожником отказались бы сидеть даже не верящие ни в бога, ни в чёрта португальские цыгане, которых Паша напугал однажды до жути! Впрочем, как говорится, это была совсем другая история...

Глава пятая. Бездомный домовой

Утомонились могильщик и бомж только под утро. Поспав пару часов, Кузьма, кряхтя встал и вышел на двор готовиться к очередному променаду по кладбищу – ему надо было привести в порядок несколько могил, за которые было уплачено и начальство обязательно должно было проверить его работу.

Утром Паша, собирая свои вещи, решил, как всегда, сделать утреннюю зарядку. Он, ещё сидя в тюрьме в Португалии, поражал своих сокамерников тем, что каждое утро, в холод и в жару, как бы плохо себя не чувствовал, всегда, вставая со шконки, первым делом растягивался, махал ногами и проделывал другие физические упражнения. За что получил прозвище «Ван-Дамм» – несмотря на свой почтенный возраст, Ерёмин практически садился на поперечный шпагат. Но, в отличие от знаменитого актёра, ногой Паша бил весьма серьёзно и удар у него был пушечный. Что однажды на себе испытали его португальские сокамерники.

В общем, он вышел во двор и, щурясь от жаркого солнышка, стал разминать шею, плечи, руки, а потом начал растягиваться и махать ногами. За этим занятием Пашу и застали двое каких-то облезлых типов, которые, судя по перегару, которым от них несло за километр, тоже неплохо провели эту ночь.

– Сышь, ты, дедок, ты что что тут ошиваешься? – с ходу прошипел сквозь зубы один из гостей. – Тебе кто разрешил сюда припереться?

– Да это снова наш сердобольный Йорик всякую бомжатину сюда тащит, привечает, богомолец хренов! – ответил ему второй ушлёпок. – Щас мы этого бомжа вытурим. Только сначала пусть тут всё приберёт, как следует, двор подметёт.

– Сышь, бомжара, а ну хватай метлу и шурши, пока мы тебе бока не обломали! – с ходу начал выдавать задания первый мужичонка.

Эти двое напоминали классическую клоунскую пару, Пат и Паташон, или, в русском варианте, точнее, в советском – Тарапунька и Штепсель. Один тип был высоким и худым, второй – низенький толстяк, весь такой подвижный и шустрый. Именно он подал идею «припахать» Пашу.

Ерёмин не спеша подошёл к двери, взял стоявшую за дверью метлу и, ни слова не говоря, сунул этой метлой в рожу толстяку. И пока тот, захлебнувшись от неожиданности и возмущения, в буквальном смысле слова сел на задницу, перевернул метлу ручкой вперед и огрел ею по спине второго, худого.

– Вы, жертвы аборта, я вас тут сейчас на ноль помножу! Сами быстро взяли мётлы и сами быстренько подмели весь двор. У нищих слуг нет! И не хрен тут командовать, пропойцы, кто меня сюда пустил – не ваше собачье дело!

Толстяк моментально взвился, подскочив вверх и попытался с ходу ударить Пашу кулаком, но тот той же ручкой от метлы ткнул эту пародию на Винни-Пуха в толстый живот. Тот взвизгнул от неожиданности и боли, отлетев на пару шагов, снова попробовал своим задом крепость матушки земли. Паша моментально развернулся к худому, который собрался, видимо, показывать чудеса кун-фу – стал в какое-то подобие стойки и приготовился поразить непрошеного гостя своим мастерством.

– Забавно. Прямо Джеки Чан, – промурлыкал Ерёмин и, отставив метлу в сторону, поминал грозного противника к себе жестом Брюса Ли.

Тот сразу же ринулся на Пашу, попытавшись ударить его ногой сбоку. Если бы растяжка позволила это сделать, то удар можно было с горем пополам назвать маваши гери или мидл-кик. В корейских боевых искусствах этот удар называется долио-чаги. Но то, что попытался продемонстрировать худой типок, скорее было пародией на удар. Впрочем, Ерёмин не собирался становиться для него макиварой. Посему он просто подшагнул под бьющую ногу сво-

его противника, встретил её подхватом на предплечья рук и, немного дернув на себя, тут же оттолкнул её вверх и в сторону. Высокий и худой мужик моментально подлетел вверх, как будто у него внезапно выросли крылья. Но поскольку летать он не умел, тут же грохнулся на спину. Встать у него уже не получилось – мужик валялся на брусчатке, как тряпичная кукла, и шипел, видимо, выпуская воздух из своей тупой башки. Его напарник напоминал сдувшийся мячик – сидел на заднице и, утробно икая, открывал и закрывал рот. Но, видимо, воздуха в его пузе совсем не осталось, поэтому он тоже шипел, пытаясь, впрочем, что-то сказать. Но организм его не слушался.

Именно в этот момент во двор зашел Кузьма.

– Ну, вот как чуяло моё сердце. Вы снова за своё? Штепсель, ты какого хрена на моего гостя накинулся? Я ж тебе предупреждал! Вы квасите постоянно, я вас перед начальством прикрываю, а вы, поганцы, шкodu потом норовите учинить. Вот напишу докладную, погонят вас к такой-то матери отсюда, шалопаи вы непутёвые.

Кузьма глянул на Пашу и улыбнулся.

– Ты их, мил человек, часом не сильно зашиб? Непути они и есть непути, прости их, грешных.

Паша засмеялся.

– Да нет, Йорик, я их только легонько благословил – «на труд и на подвиг», как говорится. Ты бы их припахал, а то вон лоси какие здоровые. Работа сделает из этих обезьян человек. Ладно, Кузьма, спасибо тебе за гостеприимство, я уже вижу, что надо искать себе пристанище. Ну, вот схожу, документы оформлю сначала, а там поглядим, куда кости кинуть. Дай бог тебе здоровья, удачи и всего самого хорошего.

Йорик кивнул, пожал Паше руку и ответил:

– Если помощь нужна будет, приходи, всегда помогу, чем смогу. Ну, давай, с богом!

Паша зашел в кладбищенскую контору, взял свои сумку и рюкзак, махнул на прощание рукой Кузьме и зашагал к выходу. А Кузьма-Йорик долго смотрел ему вслед, потом перекрестил Пашу и, что-то бормоча себе под нос, стал нагружать на свою тележку лопаты, грабли и другой садово-кладбищенский инвентарь.

– Шо это за крендель? На хрена ты его сюда? – еле выговорил заплетающимся языком толстый кладбищенский работник, малость оклемавшийся от падения.

Йорик посмотрел на своего «коллегу», поморщился и, взяв тележку поудобнее, ответил:

– Даю вам десять минут, чтобы переоделись, и жду вас на сорок третьем участке. Пахать будете сегодня, как сукины коты. И скажите спасибо, что живы остались и не поломал он вас. Мужика этого жизнь крепко побила, он мог вас на тот свет отправить, идиотов, легко и без напрягов. Эх, тяжело ему будет заново жить начинать...

... Паша в первую очередь должен был решить проблему с вещами. Тащиться с сумками в португальское консульство не было смысла. Но, с другой стороны, непонятно было – зачем ему нужно это консульство? Ведь после депортации у него был запрет на посещение Португалии и стран Шенгена. А чтобы этот запрет отменить, надо подавать апелляцию на решение суда и вообще заниматься юридическим крюкотворством. Да, дочка осталась там, и рано или поздно нужно будет решить вопрос со свиданиями... Но сейчас это не так важно. Вчера в аэропорту бортпроводники передали документы Ерёмину пограничным службам. И когда те спросили о причинах депортации, записали его личные данные, то сначала передали его сотрудникам Роспотребнадзора. Вот они-то, когда составили протокол, и посоветовали Паше обратиться в консульство Португалии. Сказали, что, возможно, он получит обратную связь с семьёй.

Но что делать сейчас? Становится на учет – куда? В полицию? Так у него прописки нет. И жить негде. Так что зачем ему полиция? Консульство Португалии? Так отметка о депортации стоит в его российском паспорте. Идти в полицию? А смысл? В базе данных факт его депортации отмечен. Статьи за тунеядство давно нет, так что если он не найдёт работу, то претензий к

нему у полиции не будет. А вот жить без регистрации – это может быть в будущем аукнуться... Но пока денег на временное жильё у него нет, значит, надо найти какой-то приработок и какое-то пристанище. Точнее, прибежище.

Паша остановился возле станции метро «Московские ворота». Надо было принимать решение – куда пойти, куда податься? В принципе, частично задачу можно решить, если обратиться в администрацию Санкт-Петербурга – в комиссию по оказанию помощи гражданам без определенного места жительства. Там можно и зарегистрироваться. Точнее, встать на учёт. Вряд ли чиновники предоставят жильё, разве что на пару дней. Нет, вымыться там он точно сможет. Да и постираться. А вот ночевать... Ночлежки там точно есть, но жить с бомжами...

«Была бы палатка – можно было бы на какой-то остров и там обосноваться. Всё же лето, разве что дожди. Но пока более-менее тепло. Надо порыскать на свалках, найти кусок полиэтилена, сделать шалаш...» – размышлял Паша, думая о том, как обустроить свой быт.

Но потом вдруг понял, что вначале надо мыслить стратегически, а частности оставить на потом. Где, в каком районе обосноваться? Он раньше, когда тусовался с бардами, слышал от них про места, где без проблем можно установить палатку и прожить там неделю-другую. Это коса на Канонерском острове, пустынные места на Крестовском острове, Юнтоловский заказник, Ржевский лесопарк, Невский лесопарк, Богословка и ряд других мест. Лучше всего подходил Крестовский остров – и недалеко от метро, к тому же там есть яхт-клуб, рядом Гребной канал, парк аттракционов. То есть, перекусить есть где. А главное – там есть артезианская скважина, бесплатно можно набирать воду. Он читал где-то в интернете, что источник этот находится на балансе Санкт-Петербургского водоканала и оборудован крытым павильоном, так что набирать воду можно в любое время года и суток. К тому же вода проходит регулярную проверку и признана пригодной для использования без кипячения. В его положении это, пожалуй, самое главное.

«Решено – на Крестовский!» – Паше даже стало как-то легче дышать.

Нет, бомжевать, конечно, неприятно, но это только поначалу. Сейчас лето, к спартанским условиям жизни он привычный, всё же школа альпинизма за плечами хорошая. С питанием пока напряги, но можно сходить в «бомж-центр» городской администрации. Авось, покормят. Ну, и надо будет искать приработок. В его положении любая работа сойдёт. Возможно, в парке аттракционов найдется возможность подкалымить, в яхт-клубе наверняка что-то нужно будет помыть-подраить. В общем, были бы руки и голова, а как их занять – это не проблема. Вот обустроится и начнет искать работу.

Пока Паша размышлял, ему в голову неожиданно пришла любопытная мысль. Он вспомнил о знаменитом боксёре, многократном чемпионе мира Мэнни Пакьяо. Филиппинской легенде мирового бокса тоже приходилось жить на улице, вернее, в спортивном зале. В четырнадцатилетнем возрасте Мэнни покинул родной городишко, чтобы перебраться в столицу Филиппин и стать профессиональным боксёром. Однако вместо боев Пакьяо получил работу резчика металла на свалке, а тренировался он только ночью. Так как у него не было в этом городе ни родных, ни друзей, то ему пришлось жить в зале, в котором он тренировался, потому что денег на жильё у Мэнни не было... Однако спустя много лет миллиардер Пакьяо купил этот спортзал и открыл там свою школу. И даже попытался стать президентом Филиппин!

Паша усмехнулся.

«Увы, тебе уже поздно начинать карьеру профессионального бойца... И миллионером становится поздно. Тут хотя бы как-то обосноваться, найти работу, а там посмотрим...»

С этими мыслями Ерёмин взвалил на плечи рюкзак, взял сумку и потопал к станции метро...

Сначала он решил всё-таки заявиться в администрацию Санкт-Петербурга. Ведь денег у него почти не было, а голод, как известно – не тётка. Поэтому Паша всё же первым делом нашел Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга. Он находился в Выборгском районе на

улице Новгородская, 20. Ехать надо было аж до Белоостровского шоссе. А поскольку за восемь лет «понаехавший» в Питер и не знавший города Ерёмин забыл даже те места, в которых часто бывал, то на поиск искомого учреждения и на дорогу ушло четыре часа. Но когда он с трудом добрался до этого злосчастного комитета, то вспомнил, что такое истинно русская бюрократия.

Он долго дожидался приёма у чиновников администрации. Выяснилось, что записываться на приём нужно заранее, да еще и желательно через интернет. Интернета у Паши не было – в телефоне стояла португальская сим-карта и для того, чтобы звонить кому-то в Питере надо было купить сим-карту российского оператора. А так звонить он мог разве что в рельс. Зато оказалось, что в Комитете по социальной политике Санкт-Петербурга есть целый отдел организационного обеспечения и цифровизации, где регистрируют письменные обращения граждан. Паша в этот перечень граждан не входил, он был, так сказать, бесхозным. Немолодая женщина, похожая на Фрекен Бок, улыбочивая, как нильский крокодил, снисходительно посоветовала свежеиспечённому бомжу Ерёмину отправить письмо в электронном виде через сервис «Электронная приемная». И даже продиктовала электронный адрес, заметив, что срок рассмотрения обращений – 30 календарных дней со дня регистрации письма.

В общем, через два часа осатаневший и раздосадованный, а главное – незарегистрированный бомж Паша Ерёмин матом послал подальше очередного питерского чиновника и, хлопнув дверью, рванул на свежий воздух. В «комитете по концлагерям», как прозвали бомжи питерскую социальную службу, за пару часов могли бы уморить даже доктора Геббельса, который, как известно, за словом в карман не лез. Единственно, чем оказался полезен этот визит – Ерёмин узнал адреса так называемых «домов ночного пребывания». Правда, там принимают только тех бездомных, чья последняя регистрация была в Санкт Петербурге и не являлась временной. Регистрация у Паши была в Питере, правда, давно – восемь лет назад. Но, как просветили Пашу его товарищи по несчастью, то есть, питерские бездомные, последние два года они могли приходить в эти ночлежки и без регистрации – просто чтобы погреться, поесть или выпить чаю. Таких домов-ночлежек было 16 и ближайший «дом ночного пребывания» находился здесь же, в Выборгском районе по проспекту Художников.

Добираться в центр Выборгского района, а потом ехать на Крестовский остров было глупо. Тем более, что недалеко от предполагаемого базирования Ерёмина находилась ночлежка Василеостровского района – на набережной лейтенанта Шмидта. Проще было вернуться обратно, попытаться «упасть на хвост» василеостровскому бомжатнику и взять с боем свою тарелку супа, ибо жрать уже хотелось довольно сильно.

И тут Паше несказанно повезло. Возле официальной конторы королей питерской социалки притулился неказистый микроавтобус с надписью «Ночлежка». Как оказалось, это был бусик питерской благотворительной организации, которая так и называлась – «Ночлежка». И волонтер, точнее, руководитель одного из направлений этой организации Игорь Антонов, утрясавший с чиновниками какие-то вопросы, предложил Паше подвезти его до Василеостровского бомжатника.

– Только смотри, братан, там тебя могут не накормить. У тебя паспорт есть?

Паша нахмурился, но вытащил свой паспорт и развернул его для полноты картины.

– О, да ты импортный бомж! Из Португалии к нам? А чего ж там не остался? Там тепло. А у нас зимой минус двадцать как даст... – Игорь поёжился, представив себе питерскую зиму.

– Родина зовёт – слышал такое? – отшутился Паша.

Он не стал особо вступать в дебаты, давить на жалость и распространяться о своих злоключениях. В конце концов, жизнь его научила одному правилу: меньше про тебя знают – спокойнее будешь жить. И дольше.

В общем, в результате Игорь привёз Пашу в свою контору на улицу Боровая, 112. Это было здание недалеко от административного центра Санкт-Петербурга, которое раньше принадлежало электротехническому заводу. Паша читал где-то, что первые ночлежки в Санкт-

Петербурге появились на Обводном канале и Боровой. Именно на этой улице и находилась та самая благо творительная организация «Ночлежка». Кстати, сама ночлежка на Боровой вовсе не напоминала литературный образ подобного заведения, описанный в русской литературе. В пьесе Максима Горького «На дне» ночлежный дом для неимущих населяли люди с самого дна социума – нищие, воры, проститутки, чернорабочие. Как рассказал Ерёмину Игорь, в пяти комнатах этого «дома ночного пребывания» на самом деле постоянно живут 52 человека. И хотя многие из тех, кто жили здесь постоянно, в основном были уже пожилыми людьми, просто в силу разных обстоятельств скатившиеся на дно, они вовсе не опустились и напоминали обыкновенных пенсионеров – из тех бабушек и дедушек, которые обычно сидят на лавочках у подъездов. Многие из них жили здесь давно, но часть более молодых и ещё имеющих возможность работать летом предпочитали пребывать на природе – в парках, на островах. Благо, в Питере таких мест хватало. Ну и само помещение ночлежки было довольно уютным, с двухъярусными новыми койками, на которых были занавесочки, с постельным бельём, с паркетным полом, тумбочками, холодильником и телевизором. Рядом с основным зданием находился комплекс модулей, где бездомные могли получить одежду, собранную волонтерами, медицинскую и юридическую помощь, в общем, в «Ночлежке» был эдакий рай для бомжей и минимум бюрократической волокиты. Так что эта ночлежка выгодно отличалась от описанного Горьким помещения в его пьесе «На дне». Здесь Пашу просто и без особой бюрократии покормили и даже дали с собой немного продуктов: хлеба, соли, сахара, бутылку воды, а также спички. А главное – ему выдали огромный кусок полиэтилена!

– Держи, Паша. Палатки нет, но навес соорудить сможешь. И вот тебе старый спальник, остался у меня от туристов – приезжали к нам год назад, жили как раз на Крестовском. Но я бы тебе советовал остановиться на косе Канонерского острова. На Крестовском сейчас не толкнутся, Елагин остров – там туристов полно, да и плату за вход ввели. А вот на Канонерке есть места, где только рыбаки и туристы с палатками. И никто тебя там гонять не будет. Хотя ты похож на лешего или домового, ты там как неотъемлемая часть пейзажа будешь... – улыбнулся Игорь.

– Да уж, бездомный домовой, – невесело пошутил Паша
Игорь рассмеялся.

– Ладно, домовой, не хнычь. Вот тебе направление и путеводный пинок. Есть несколько маршруток и автобусов, которые ходят от метро Автово и Балтийской. Можно и пешком через тоннель, но не советую. Как обживешься, будешь пешком ходить, хотя там грязно, машины и автобусы ходят, дышать нечем. Я тебе место сейчас по геолокации покажу, найдёшь быстро. Кстати, ты сим-карту купи, она копейки стоит, а интернет часто везде халявный можно поймать, там кругом кафешки, магазины, поэтому, как только установишь симку, поймай где-то вай-фай и смело пользуйся. Ладно, мне ещё в кафе надо ехать за вечерней раздачей. Как проголодаешься – приходи, покормим. В ночлежку если захочешь прийти, то устраиваться надо, документы оформлять, короче, канитель. Сам видел...

Игорь хлопнул Пашу по плечу, махнул рукой на прощание и бодро поскакал к своему бусику. А посвящённый в пажи... то есть, в бомжи Ерёмин взвалил на плечи рюкзак и, взяв в руки свою клетчатую сумку-баул, не спеша подался в сторону метро.

Обосновался он на косе Канонерского острова очень даже неплохо, почти что капитально. По тропинке вдоль Морского канала он дошёл до конца Путиловской набережной и перешёл в дикую часть острова. Перед этим он остановился поглазеть на самый настоящий сюрреализм: он увидел огромный мост, который проходил... над домами. Это была так называемая ЗСД – западный скоростной диаметр, первая внутригородская платная магистраль в России. В Португалии Ерёмин видел много платных шоссейных дорог, но вот такой магистрали там нет. Выглядела она круто – прямо как в фантастических фильмах. Вживую эту магистраль Паша никогда не видел, впрочем, когда он с семьёй уезжал из Питера в Португалию, ЗСД еще

не была полностью построена. Центральную её часть открыли только в 2016 году. И вот теперь он видел это сооружение прямо у себя над головой. У него сложилось ощущение, что мост просто парит над землей.

«Кстати, каково, когда над головами жителей Канонерского острова денно и нощно ездят машины и грузовики», – подумал Ерёмин мимоходом.

Но любоваться сюрреализмом пополам с конструктивизмом было некогда – надо было топать искать место для стоянки «первобытного», точнее, «первобитного» человека. То есть, перво-наперво надо было устраивать свой быт.

Глава шестая. С новосельем!

В Петербурге более 30 островов. Паша не смог бы назвать и половины. Во-первых, он был не коренным питерцем, а из «понаехавших». Во-вторых, он прожил в Питере всего-то девять лет. И бывал пару раз на Васильевском острове, один раз заезжал на Крестовский остров и с женой посетил Елагин остров. Вот и всё! Ну, знал он про Заячий остров и два Адмиралтейских. И вот внезапно ему довелось не просто исследовать Канонерский остров, а жить на нём!

Как ни странно, прогулка по острову с рюкзаком и сумкой принесла ему эстетическое наслаждение. Да, сумка с вещами оттягивала руку, но Паша шёл по острову, как сталкер по Зоне. Неработающая лукойловская заправка, заброшенная спасательная станция, старенький, ещё советской постройки плавательный бассейн – всё это напоминало фильм о Чернобыльской зоне отчуждения. Вокруг не было ни души! А когда он проходил мимо пустых домов с заколоченными подъездами и окнами, над которыми проходила ЗСТ, вообще повеяло зомби-апокалипсисом. Казалось, вот-вот откуда-то выползут кровожадные зомбаки и начнут за ним гоняться.

Впечатление усилилось, когда Паша вышел на какой-то огромный пустырь, посреди которого возвышалась высоченная труба. Видимо, раньше тут было здание ТЭЦ, к которому относилась эта труба. Территория вокруг трубы была обнесена забором с колючей проволокой, но со стороны залива стоял низкий бетонный заборчик, через который Паше совсем не трудно было перелезть. А дальше, вдоль гаражей, расписанных различными граффити, он прошагал к Финскому заливу. Однако песчаный пляж был завален мусорными пакетами – такое впечатление, что какие-то волонтеры собиравали мусор, но вывезти поленились. Поэтому он решил податься в противоположном направлении и, пройдя мимо домов, в которых явно жили люди, мимо стоянки автомобилей, шлагбаума и дальше он вышел к какому-то озеру. То есть, в центре острова было самое настоящее озеро. И что самое интересное – вода в нем была пресная! Загадка природы! Хотя, если подумать, то, скорее всего здесь когда-то был карьер, потом его забросили, а дожди заполнили углубление. Так и образовалось озеро.

Но Паша не стал заморачиваться загадками природы, а расположился прямо на берегу этого живописного водоёма. Правда, чтобы разбить стоянку, немного углубился в чащу, чтобы его стойбище или пристанище – кому как нравится – невозможно было разглядеть. Он ведь был современным бомжом – с ноутбуком, мобильным телефоном, то есть, бомжом, обладающим материальными ценностями. Так что надо было либо таскать ноут все время с собой, либо замаскировать место ночлега и приготовить схрон для особо ценных вещей.

В общем, первую ночь в положении бездомного Паша Ерёмин провел в относительном комфорте. Сильно помог спальник, а так как у него всегда с собой был пенополиуретановый коврик, то ночью ему совсем не было холодно.

Однако пока было лето, можно было ночевать в лесу. А что будет осенью? Поэтому с утра, проснувшись и позавтракав – спасибо Игорю и его «Ночлежке» – Паша решил, взяв с собой ноут и оставив все вещи на стоянке, прозондировать окружающую среду на предмет поиска работы и более комфортного обитания. Нет, свежий воздух, природа, красоты Финского залива – это всё здорово. Но неделя такого «туризма» – и пойдут сопли, кашель, болезни. Это не солнечная Португалия, это промозглый Питер!

Сначала Ерёмин наведлся на набережную лейтенанта Шмидта, дом 29, где располагался «Дом ночного пребывания Василеостровского района». На стендах в этом самом «доме ночного пребывания» висели всякие памятки для бездомных, статистика, в общем, всякая лабуда. Но один интересный документ на стенде гласил, что по официальным данным в Санкт-Петербурге около 60 тысяч бездомных. И хотя Паша бомжей в Питере никогда не считал, он понимал, что на самом деле в этом огромном городе их намного больше. Ведь во времена недораз-

витого капитализма оказаться на улице можно по разным причинам – потерял работу, обманом лишили квартиры, поругался с семьей, начал пить. И далее человек катится по наклонной, пока не окажется на дне.

В этой ночлежке Паша наконец-то зарегистрировался, его накормили и даже позволили искупаться и постираться. Он постирал только нижнее бельё, а пока оно сушилось, пообедал. И заодно познакомился с такими же товарищами по несчастью, то есть – по бездомному образу жизни. Между прочим, эти самые «товарищи», к Пашиному удивлению, несчастными вовсе не выглядели. Нет, были, конечно, среди них и совсем опустившиеся личности – лица, опухшие от пьянства, пустые стеклянные глаза, нечленораздельная речь. Но таких было не очень много. В основном в эту ночлежку приходили люди, которые оказались в безвыходном положении или, как сейчас принято говорить, в трудной жизненной ситуации. Между прочим, во времена царской России в ночлежках обитали не только нищие или проститутки, например, одним из их завсегдатаев был перманентно пребывавший в запое известный русский художник Саврасов.

Некоторые истории, которые Паша успел услышать от Игоря, его просто убили. Он никогда не мог подумать, что такое может случиться с человеком.

46-летняя Марина родилась в Питере, здесь же училась, закончила техникум. У родителей была двухкомнатная квартира, отец с дядей ее разделили на две комнаты, получилась коммуналка. Потом её дядя свою комнату продал, появились соседи, а отец умер, а Марина с сестрой остались. Соседи сразу стали их выживать и таки выжили. Сёстрам пришлось поменять свою комнату на другую, поменьше. Потом сестра Марины заболела, нужны были деньги. Марина продала эту комнату, деньги ушли на лечение сестры. Слава богу, она встретила мужчину и вышла замуж, а свою сестру прописала к себе. Но Марина тоже влюбилась – тоже встретила мужчину, ушла к нему и родила сына. Вот только не сложилась у неё семейная жизнь, расстались они с мужем. Потом она снова вышла замуж, муж – отставной военный – прописал Марину к себе. У него тоже был сын и отношения с пасынком у женщины не сложились. Военный умер, а мачеху его сын из дому выгнал. Вместе с её ребёнком. Марину быстро лишили прав, а сына её отдали в детдом – как может содержать ребёнка бомж? Сына она видит лишь иногда издалека...

Вот такая грустная история. И, как рассказал Паше Игорь Антонов, таких историй он знает очень и очень много.

У бездомного Сергея, с которым Паша познакомился в этой ночлежке, как ни странно, был дом. Точнее, квартира. Вот только её у него, как говорится, попросту «отжали». После смерти матери туда заехали родственники, сразу начали делить территорию, пить. А через некоторое время Сергей узнал, что его... выселили. Пока он ездил на заработки, провели шахер-махер с ЖЭКом, риэлторами, ещё с кем-то, и когда он вернулся – возвращаться ему уже было некуда. Его просто поставили перед фактом – или судись и восстанавливай регистрацию, или катись на все четыре стороны. Судиться – это значит, иметь деньги. А пока судишься – где-то надо жить. Денег было мало, жить было негде. И вот Сергей уже третий год живёт на улице.

Они сидели на лавочке возле ночлежки, Сергей курил, а Паша, выслушав его историю, громко возмущался.

– Не понимаю, ну как так? Ведь это родственники твои... Взять и выбросить человека на улицу? – удивлялся Паша, когда слышал Серёгину историю.

– Я уже привык, – добродушно улыбаясь, ответил Сергей. – Какие они мне родственники – седьмая вода на киселе. Ушлие больно. Они бы всё равно мне житья не дали. А я нормально устроился. Сторожом в Яхт-клубе. Ну, здесь, недалеко, на Крестовском. Там и живу. Хочешь, замолвлю о тебе словечко? Ты же работу ищешь? Тем более, спортсмен. А на Канонерке только летом хорошо, осенью с залива такая холодрыга подует, дубарь будет конкретный. Да и за водой далеко ходить. Я знаю, я там одно время обитал. В трубе. Видел трубу?

– Да видел, видел, только там заварено всё.

– Ну, да, повадились лазить туда подростки, чтобы им пусто было. Пока мы жили – всё было чисто, а эти наркоши такое там устроили...

Сергей вздохнул и грустно улыбнулся. Он напоминал такого выросшего до размеров взрослого человека гномика, у которого хоть и была борода, но выглядел он всё равно совершенно по-детски. Глядя на этого большого ребёнка, Паша понял, как у него отняли квартиру и выгнали на улицу. Сергей был совершенно безобидным и даже беззащитным человеком. Как он смог три года выживать на улице, понять было невозможно. Про таких обычно говорят – «не от мира сего». Паша встречал таких людей, но они, как правило, были глубоко верующими, оттого и не могли сопротивляться насилию. Сергей верующим не был, что было даже удивительно. Он просто избегал любых конфликтов на любом уровне и жил, как та трава, прораставшая даже сквозь асфальт.

Паша поднялся и, хлопнув Сергея по плечу, предложил:

– Слушай, Серёга, конечно, было бы здорово, если бы ты поговорил насчёт меня в Яхт-клубе. Сам видишь, человек я нормальный, не пью-не курю. Если там помыть-покрасить что надо – так я всегда готов. В общем, работы не боюсь, а вот с пристанищем если получится – так вообще бомба! Но пока что я перекантуюсь на Канонерском. Я уже там расположился, место хорошее нашёл. Там недалеко дома, я мимо проходил, видел – во дворе колонка стоит, воду брать можно. Утром пробежался, воды принёс. Костёр есть где развести, вот с посудой проблема – котелка нет, чайника. Ну и денег тоже кот наплакал. Но ничего, главное – пожрал, шмотками кое-какими меня тут один добрый человек обеспечил, так что пока всё нормально.

Сергей тоже поднялся и, пожав Паше руку, пообещал:

– Не вопрос, я поговорю. Не думаю, что это быстро получится, но дня три перекантуйся, а там я тебя навещу, расскажу, что и как. Кстати, погоди!

Бородач юркнул в помещение. Через минут десять он снова появился на пороге, неся в руках... котелок. Причём, такой чистенький, почти что новый. Сам Сергей сиял не хуже этого надраенного котелка.

– Вот, держи, Паша, как говорится, от сердца и почек дарю вам котелочек! Будет в чём суп сварить! Или кашу!

У Ерёмкина, что называется, глаза на лоб вылезли. Как говорится, ни копейки да вдруг алтын!

– Серёга, дорогой ты мой человек, спасибоще огромное! Ну просто не знаю, как тебя благодарить!

Мужик стеснительно улыбнулся и махнул рукой, мол, ничего такого я не сделал.

– Да пустяки, Паша, мне уже не нужен, у меня в моей обители есть уже посуда всякая – кастрюли, чайник, миски-ложки. А тебе пригодится. Пока там переночевать, да пока поесть приготовить. В общем, вот тебе котелок, там ещё миска, ложка и кружка.

– Кружка у меня есть, литровая, «сиротская». Со времён альпинистского прошлого осталась, реликвия, храню, как память. Но всё равно спасибо, выручил. Буду должен!

Сергей как-то серьёзно посмотрел вдруг на Пашу и тихо ответил:

– Не спеши в долги залезать. Не знаешь ведь, как жизнь сложится. Потом жалеть будешь.

Ерёмин улыбнулся и, взяв котелок с посудой из рук Сергея, сказал:

– Это не те долги, о которых ты говоришь. Это скорее долг чести, понимаешь? Я же не деньгами тебе отдавать его буду. Когда-то и тебе помощь потребуется. Или твоим друзьям. Земля – она ведь круглая, рано или поздно мы всегда встретимся.

Если бы тогда Паша Ерёмин мог предположить, что очень скоро он встретится и с Сергеем, и с его друзьями... А главное – им понадобится его помощь, причём в таком деле, в котором только он смог бы им помочь. И для этого ему пришлось вспомнить все свои навыки и умения, рискуя своей жизнью.

Но в тот момент Паша даже не догадывался, как круто изменится его жизнь всего лишь через несколько дней.

Глава седьмая. Неуловимые мстители выходят на тропу войны

Пять дней на Канонерском острове прошли довольно напряжённо, но, тем не менее, радостно. Паша капитально обустроился – нашел, где набирать воду, добыл кучу дров, на костре сварил себе целый котелок риса, который купил на последние деньги. Поскольку денег у него больше не было, то он вынужден был ещё раз наведаться на Боровую в «Ночлежку». Там он смог пообедать, а, выйдя во двор, снова встретил Игоря Антонова.

– Что, Паша, голод не тётка? – Игорь выглядел веселым и беззаботным, что было удивительно – забот у волонтера всегда было более, чем достаточно.

– Ну, я пока обживаюсь, денег нет совсем, вот, ищу подработку какую-то, – смутился Ерёмин.

Игорь рассмеялся.

– Да ты, мужик, не смущайся, всё ж нормально. Ты у нас можешь всё время харчеваться, мы для этого и существуем. Ну не для того, чтобы тебя родимого содержать, но для того, чтобы таких, как ты, поддерживать. Так что вот, возьми ещё вот пакет с продуктами, на первое время хватит. И приходи, хоть каждый день, пока с работой образуется и вообще. Ладно, извини, мне пора бежать, тут кое-какие дела...

Игорь испарился, причём, удивительно – вот только стоял рядом человек и оп – его уже нет! Паша даже не успел понять, куда это он подевался. Но время, как говорится – это деньги, и новоиспечённому бомжу пришлось оставить осознание процесса перемещения Игоря Антонова в пространстве на потом.

Расспросив волонтеров, Ерёмин узнал, где и как можно подработать. Как оказалось, способов довольно много. Одни бомжи собирали картон, стекло, металл, сдавали их пункты приема. Некоторые, немного «приподнявшись», становились «коммерсантами» – покупали на базах бананы и перепродавали их в городе. Но этот промысел существовал полулегально и только у тех, кто давно был в этом «бизнесе» и имел нужные связи. Можно было также пойти на вокзал и мыть вагоны пассажирских поездов. Платили примерно 150 рублей за вагон. Ну и, конечно, всегда была в ассортименте работа грузчика на рынках, подсобником на стройках – этих вакансий везде просто пруд пруди. Как говорится, была бы шея – хомут найдётся!

Паша попробовал подрабатывать на стройке, потом на рынке – сравнивал конъюнктуру. На стройке платили больше, но работа была тяжёлой – не просто «подай-принеси». Пришлось серьёзно надрываться – выносить строительный мусор, возить на тачке кирпичи, замешивать бетон. Как оказалось, мешать раствор – весьма нелёгкая работа. Бетономешалка была только внизу, а на верхних этажах каменщикам проще было нанимать бомжей. А те вручную в корытах смешивали песок с цементом, добавляли воды и тут же готовый раствор в ведрах разносили по точкам. В конце дня руки у Паши просто отваливались.

На рынке было полегче, а главное – сытнее. В конце рабочего дня грузчикам давали «хабар»: пакет с продуктами. Там были овощи, фрукты, кусок мяса или колбасы, крупы, в общем, всего понемножку. Ну, и работать приходилось не весь день, а по принципу «приехал товар – разгружай». А потом разносить по точкам, точнее, развозить. Вот только в денежном отношении было маловато – платили в день всего 700-1000 рублей. На стройке было побольше – от полутора тысяч. Но всё равно работать даже на ставке грузчиком в магазине или на складе за 30 тысяч в месяц – это было очень мало. На эти деньги можно было снять однокомнатную квартиру, не в центре, конечно. Или в центре, но комнату. Но вот на жизнь оставалось бы не так много. Нет, конечно, с вещами и продуктами можно надеяться на «Ночлежку», но Паша не собирался становиться, так сказать, профессиональным бомжом – он хотел снять какую-

то комнату, устроится на работу по профилю, в общем, стать нормальным членом общества. Встроится, так сказать, в социум.

Но, как говорится, хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Поэтому Паша, умудрённый жизненным опытом, строя планы на будущее, не забывал о настоящем. Он капитально обустроился на острове – на костре готовил еду, расчистил место стоянки, а над спальным местом сделал прекрасный навес из полиэтилена и веток. А главное – познакомился с местными бомжами, которые в основном кочевали по островам – Канонерскому, Васильевскому, Крестовскому. Как рассказали его новые знакомые, кстати, довольно интеллигентные и не похожие на бомжей Вася и Коля, они раз в неделю приходят либо на Васильевский остров в ночлежку, или в какую другую поблизости, например, на Обводной канал, в дом ночного пребывания Адмиралтейского района. Конечно, они старались и самостоятельно зарабатывать, правда, в основном так же, как и все – стройка, рынок, разгрузка и мойка вагонов на вокзале.

Но самым удивительным новым Пашиным знакомым оказался 66-летний Вячеслав Романович Раснер. Это был самый известный бомж города на Неве, который работал... экскурсоводом. Да, вот так вот – бомж проводил авторские экскурсии по Санкт-Петербургу со своей собственной программой. Паша познакомился с ним совершенно случайно, когда пришёл пообедать в «Ночлежку». И даже отложил все дела, чтобы сходить к нему на экскурсию. Между делом узнал стандартную историю нестандартного бомжа.

Вячеслав Романович лишился крыши над головой в июне 2010 года – как раз тогда, когда сам Ерёмин эмигрировал с семьёй в Португалию. Бывший учитель биологии и географии, краевед и профессиональный экскурсовод тогда стал скитаться по чердакам и парадным. Именно в тот момент ему в голову пришла мысль проводить экскурсии по родному городу. Это был довольно рискованный план – бомж и вдруг экскурсовод. Паше при всей его склонности к авантюризму такое даже в голову бы не пришло! Видимо, здесь важно не как, а кто? В общем, мечта Раснера осуществилась лишь спустя пять лет, когда благодаря посту в соцсетях одной журналистки, побывавшей на его экскурсии, о нем узнали пользователи интернета. И сейчас Вячеслав Романович – один из самых популярных неформальных экскурсоводов Северной столицы. Формально он уже три года как не был бомжом – документы ему в ночлежке восстановили, а ночевать он ездил на Охту, станция метро «Новочеркасская». Вячеслава Романовича там приютила знакомая женщина – Светлана Павловна, которая раньше работала в музее «Дорога жизни» на Ладожском озере.

– А ведь начинал я, как и все бездомные, на улице, спал на чердачном пролете многоэтажки на Московском проспекте. Там на меня и наткнулся однажды житель этого дома Алексей Никаноров, – рассказал Раснер Паше, когда нанёс тому вечером визит и они вдвоём у костра пили чай.

– Дай бог здоровья и Саше, и всем тем людям, что мне помогли, – немного помолчав, добавил он.

Ерёмин, как ни странно, был похож с этим стариком – у него была такая же большая борода, как у этого колоритного бомжа, он так же старался разговаривать на литературном русском языке, никогда прилюдно не опускаясь до бранных слов. Правда, у Раснера борода была полностью седая, а у Паши она только начала седеть. Но были они похожи не только внешне – Вячеслав Романович был таким же, как и Ерёмин, неутомонным и неутомимым. Эдакий вечный двигатель и ядерный реактор в одном флаконе. Может быть, именно эта схожесть и притянула их друг к другу – кто знает? Вообще-то к Паше люди всегда тянулись, только он далеко не всегда отвечал им взаимностью. Видимо, слишком много подлости в своей жизни пришлось испытать ему от людей, порой даже близких и родных. Но сам Паша, если видел, что человеку нужна помощь, никогда не отказывался помочь.

... В то утро Паша Ерёмин встал ни свет ни заря. Обычно он любил поваляться в импровизированной постели, тем более что утро на берегу Финского залива не напоминало побере-

жье Атлантического океана в Португалии. Но тут что-то будто толкнуло его изнутри. Он сразу ощутил, что сработала его родная и знакомая «чуйка» – она всегда срабатывала, когда Ерёмину грозила опасность вляпаться в какое-то дерьмо. И если он вовремя внимал своей «чуйке», то это самое дерьмо задевало Пашу только чуть-чуть, самую малость.

На этот раз всё было не так...

Через десять минут после тревожного пробуждения Паша услышал звук, как будто к его стоянке ломился табун лошадей. И когда этот табун материализовался в виде Игоря Антонова и дружной команды бомжей, состоящей из Сергея, Васи, Коли и Вячеслава Романовича Раснера, Ерёмин понял, что все они пришли к нему не на утренний чай. Но даже при том, что в воздухе откровенно пахло какой-то «жопой» – то есть, ситуация висела напряжённая и по лицам прибежавшего отряда бомжей-волонтёров было понятно, что случилось нечто неординарное – Пашин приятель Серёга не удержался, чтобы не пошутить.

Он поднял вверх палец и подражая голосу артиста Георгия Милляра, который играл в фильме-сказке «Варвара краса – длинная коса» Чудо-Юдо, прокрипел:

– Должок!

Паша не спеша вылез из спальника и, разминаясь, чертыхнулся:

– Я так и знал, Серёга, что ты, как тот еврей, за котелок с меня шкуру сдерёшь!

К Паше подошёл Игорь Антонов и, остановив собравшегося было пояснить причину своей шутки Сергея, взволнованно и сбивчиво заговорил.

– Послушай, Ерёмин, вот какое дело. Нет, не в том, что типа долг платежом красен, хотя, конечно... Нет, если ты типа откажешься или там... ну, если не сможешь... дело не в том, что я тебе помогал, я и так помогал бы, я всем бездомным и попавшим в беду помогаю... и даже если ты... в общем, я всегда тебе помогу, мы всем помогаем...

Паша перестал разминаться и положил Игорю руку на плечо.

– Да что ты раскудаhtался, Антонов, я тебе не цыплёнок, а ты не насадка. Ты дело говори. Долг – не долг, должен – не должен! Я же не сволочь какая, не скотина безмозглая. Вы меня поддерживали, я это помню. Но я тоже всегда всем готов помочь. И тебе помогу вне зависимости от того, помогал ты мне или нет. И Серёге помогу. И всем остальным. Ты сначала расскажи, в чём именно нужна моя помощь? Банк я грабить с вами, товарищи бомжи, точно не пойду, вы уж извините. Разве что на шухере постоять!

Антонов перестал мяться и, улынувшись на Пашину шутку, как-то сразу выдохнул и расслабился. А потом рассказал ему историю, от которой у Ерёмина снова заныла та самая «чуйка».

– Понимаешь, Паша, в Питере есть реабилитационные центры, вербующие бездомных на улице.

Он запнулся, потом уточнил:

Как бы «реабилитационные», – здесь он сделал пальцами в воздухе «кавычки».

Потом продолжил.

– Многие из них входят в сеть полулегальных организаций, которые официально лечат от алкоголизма или там наркомании. А на самом деле они просто используют бесплатную рабочую силу. В общем, такое современное рабство, понимаешь? «Зазывают» они грамотно, профессионально, но, если к ним попал, выбраться трудно. Мы пару раз пытались обратить внимание властей на эти конторы, но ты же понимаешь – у них «крыша» наверху, в каждом районе. Чиновники взятками кормятся и доказать что-то нереально. И вот сегодня я узнал, что одну девчонку нашу, из «Ночлежки», заманили деятели такого вот «центра». Она там сейчас бесплатно моет, готовит, обслуживает строителей, ее даже на улицу не выпускали. Эти твари думают: раз бездомный, значит, он один, никто не защитит. Паспорт забрал – и все.

Паша нахмурился.

– То есть, ментам бесполезно сообщать? И никто за неё не впишется?

Игорь вздохнул.

– Её там как бы и нет. Надо сначала доказать, что она там, что она не добровольно. Мы еле нашли.

Вмешался Раснер.

– Павел Александрович, это я виноват, не уследил. Маша такая доверчивая... А я как-то пожурил её, мол, чего она к ночлежке пристала, шла бы работу себе искать. Она ведь наркоманка бывшая, никак не может от этой дряни избавиться. Детдомовская... Ну вот наговорил ей, она и «купилась» сдуру на этих вербовщиков, мол, и от зависимости избавим, и работу предоставим...

Тут слово взял Сергей.

– В общем, Паша, я тут рассказал немного о тебе, ты же сам сказал, что единоборствами занимался много, вот я и подумал, что с тобой мы Машку быстро оттуда выдернем.

Ерёмин внимательно оглядел всю компанию и махнул рукой.

– Да ясно, что без меня вам не справится. Только Игорь, я надеюсь, что без криминала обойдётся? Я второй раз за решётку не хочу, тем более, здесь, в России.

Игорь горячо закивал головой.

– Что ты, что ты, они сами боятся огласки, как чёрт ладана. Просто если не стоит никто за теми, кого они к себе затягивают, так эти вербовщики и наглеют. Я им уже раньше говорил, чтобы не трогали наших подопечных, так они всё равно лезут. Пока их не шугнуть, они так и будут бездомных отлавливать. Я наверх уже докладывал, меры принимаются, но сам понимаешь... Мы их просто тут разок пуганём, а потом будем решать проблему в корне...

Этот серый дом на улице Декабристов совершенно не напоминал пристанище работоговцев. Причём, неподалёку располагался Мариинский театр, церковь святого Иоанна, а чуть дальше – университет физкультуры имени Лесгафта, где когда-то у Паши были друзья по татами и рингу. В общем, обычный екатерининский дом, благообразный – такой весь из себя. Но именно там обосновалась контора, которая занималась поиском, точнее, поиском и похищением бездомных с питерских улиц. Этих несчастных людей работоговцы сначала привечали, обогревали, кормили. А потом заставляли работать. Бесплатно. У кого были документы – отбирали. В общем, обычная картина...

Зайти в дом оказалось делом несложным – несмотря на то, что на парадном был кодовый замок, Игорь, сделав лицо заговорщика, неуловимым движением пальцев пробежался по его кнопкам и дверь, щёлкнув, открылась. В операции принимали участие только Паша, Игорь, Сергей, а также двое молчаливых парней из волонёрской братии «Ночлежки». Раснера общим решением решили с собой не брать – слишком известная личность. По причине слабого здоровья и сильной алкогольной зависимости «островитяне» Вася и Коля также были отправлены в арьергард. Основной ударной силой был Ерёмин.

– Ты, Паша, главное, аккуратно, без сильных побоев. Нам бы только в комнату проникнуть, Маша там сейчас, – прошептал Антонов.

Паша покосился на него с сомнением.

– Когда ты из меня успел Рэмбо слепить, Игорь? Я же тебе о себе особо не рассказывал. И откуда у тебя такие точные сведения?

Тот усмехнулся.

– Забыл, что я на улице работаю, да ещё с таким контингентом? Вот, познакомился с тобой, потом справки навёл. С одним поговорил, с другим, мне же надо знать, кто тут у нас новенький объявился и с чем его едят. Вася с Колей тоже немного рассказали, да вот и Раснер... Все понемножку. Ты ведь человек открытый. А тридцать лет занятий единоборствами – это не шахматы и не бадминтон. Что касается сведений – так опять же улица. Мы всегда всё про всех знаем, мы с людьми работаем, а люди имеют обыкновение говорить. Надо их просто слушать и слышать.

Ерёмин скорчил гримасу, которая могла означать и полное одобрение, и полное отрицание. Но спорить сейчас было не самое подходящее время – они подошли к той самой квартире, которую им предстояло штурмовать.

– Тоже мне, неуловимые мстители, – фыркнул Паша вполголоса.

Игорь позвонил в дверь. Никто не отвечал. Он позвонил ещё раз. Через некоторое время за дверью послышались шаги, и кто-то голосом пропитого пирата рявкнул:

– Кого там черти носят?

Антонов приложил ладони ко рту и вдруг каким-то совершенно незнакомым голосом ответил:

– Ты не сифонь, Дохлый, я от шефа, он девку новую требует к себе. Давай, открывай, шеф ждать не любит!

За дверью чертыхнулись, щелкнул замок и дверь распахнулась.

Время сразу сжалось, как будто из воздуха моментально выкачали весь кислород и их небольшую группу втянуло в затхлость этой квартиры. Паша увидел на пороге двухметрового громилу килограммов на 120 живого веса. Ни секунды не раздумывая, растопырив свою пятерню в виде римской цифры V, разведя большой палец и остальные четыре в противоположные стороны, он левой рукой саданул бугая в горло. Бил не насмерть, а только чтобы выключить, поэтому правой рукой тут же добавил в селезёнку. Мужик как-то утробно охнул, зашипел и, как куль с мукой, свалился тут же в прихожей. Ерёмин даже не успел его придержать.

– «Дохлый», кто там ещё? Что там за шум? – из дальней комнаты раздался недовольный скрежещущий тенор.

Время ещё более уплотнилось, и Паша дёрнулся на голос...

Поскольку Антонов точно не знал, сколько «бойцов» сидело «на хате», действовать надо было быстро, тем более, если у них имелся огнестрел. Как он успел выяснить и о чём предупредил своих «мстителей», оружием сотрудники вербовочной конторы не грешили – старались не замазываться в откровенный криминал. На это и был расчёт, потому что на пистолеты идти было крайне неразумно и, в общем-то, бесполезно. Тогда надо было вызывать полицию и крутить эту компанию по юридическим аспектам. А так, если нет запрещённых предметов – мало ли, кто к ним в гости пожаловал? Похищение ведь ещё доказать надо, а документы наверняка эти ушлые черти хранили в других местах.

...«Дохлый», оправдывая свою кличку, точнее, «погоняло» – ведь он явно был из «братвы» – валялся на полу в коридоре в отключке, демонстрируя собой пособие по рукопашному бою и экспонат анатомического театра одновременно. Паша двигался хоть и быстро, но осторожно. По длинному коридору он сразу проскочил в дальнюю комнату – и не прогадал. Оттуда уже выходил длинный и тощий тип, явно руководивший всей этой шоблой. Одного взгляда Ерёмину было достаточно, чтобы понять – перед ним бывший сиделец, опытный и оттого опасный.

Вышедший на шум «пассажир» моментально оценил обстановку и не стал играть в «жертву налёта бандитов на добропорядочного гражданина». Он сразу сунул руку в карман и моментально выдернул её оттуда уже с ножом-бабочкой, который он тут же раскрутил из узенькой полоски металла.

– Что, фуцен, попадалово, да? Щас я вас тут на мелкий фарш пошинкую, непути! – прошипел сквозь гнилые зубы бандит.

Его рука, выписывая вензеля, мелькала перед Пашиным лицом. Сам тип стоял примерно в метрах двух, но видно было, что сократить это расстояние ему ничего не стоит. Паша напряг ноги и потихоньку стал придвигаться к противнику, медленно сокращая дистанцию. Но тип это заметил и внезапно сделал выпад...

Преподавая смешанные единоборства, будь то ударная техника, бросковая или болевые приёмы для самозащиты в стойке, Ерёмин всегда говорил своим ученикам: если напали на вас

с ножом и есть возможность уйти, убежать – сделайте это! Потому что умеющий хоть немного владеть холодным оружием противник вероятнее всего вас убьёт или сделает инвалидом.

– Как бы смело и быстро вы не демонстрировали свои прекрасные знания приёмов самообороны, – говорил он, – рука вашего противника с ножом длиннее, и она сделает любое своё движение смертельным.

Паша всегда старался объяснить, особенно подросткам, которые насмотрелись боевиков, что умение уйти от удара противника, даже не вооружённого каким-либо оружием, оттачивается многолетними тренировками, выступлениями на соревнованиях и постоянной практикой спаррингов. А ещё лучше – различными полноконтактными боями, желательно, без правил. Только тогда у бойца возникнет реальное чувство опасности, дистанции, скорость и сила ударов станут соответствующими обстановке. А главное – он станет реально, точнее, реалистично соизмерять свои силы и степень угрозы. И делать выводы. Поэтому Паша на занятиях давал только те приёмы и удары, которые действительно могли помочь в таком поединке без правил. А все эти красивые броски – «мельница», «кочерга» и прочие, все эти хитрые подсечки и подножки, «иманари ролл» или там «ножницы», все эти вычурные амплитудные «вертушки» и «хай-кики» в голову – это больше для кино, показательных выступлений или же рекламы единоборств для подрастающего поколения. И если уж внезапно перед тобой окажется противник, вооружённый ножом, а отступать некуда или нельзя – надо действовать крайне осторожно, быстро и результативно.

Этот удар он показывал своим ученикам, когда уже год работал тренером по боевому самбо. Но сразу предупредил всех, что категорически запрещает применять его на соревнованиях. Впрочем, за такой удар любого спортсмена моментально бы дисквалифицировали. Потому что он мог сделать человека инвалидом.

Прямой удар передней ногой «ап чаги» в корейском хапкидо выполнялся немного не так, как подобный удар «мая гери» в каратэ-до или «фронт-кик» в кикбоксинге. В этих видах восточных единоборств такой удар бьют прямой ногой в живот – или всей стопой, или подъёмом стопы. Иногда его наносят в голову. Причём, бьют сзади стоящей ногой. Но очень редко – по ногам, потому что можно попасть в коленный сустав. А в хапкидо «ап чаги» бьют передней ногой именно в колено – чтобы сломать противнику ногу. Потому что хапкидо – это не спорт. Это боевое искусство. При ударе нога немного выворачивается наружу, чтобы стопа чётко входила в бедро над коленным суставом. Удар сам по себе сильный, а если направить его в нужную точку, то, в принципе, сустав ломается моментально, как спичка.

Паша однажды на тренировке держал тренировочную подушку для удара ногами чуть ниже, чем полагается, и его ученик отрабатывал ногой именно этот удар. Но ударил не в подушку, а ещё ниже, и попал как раз тренеру в ногу над коленом. Хорошо ещё, что ученик стоял сбоку, иначе Паша остался бы без ноги. Правда, и этого удара ему хватило – после этого он еще месяц хромал, а потом так и не смог полностью восстановить работоспособность коленного сустава на левой ноге.

...Когда тощий тип с ножом сделал выпад, Паша уже был готов – его передняя нога стояла на носке и выстрелила навстречу нападавшему, как распрямлённая пружина. И поскольку нога у человека длиннее, чем рука, то, опередив метнувшуюся к Пашиному животу руку с ножом, его нога смачно впечаталась в ногу бандита. Раздался громкий щелчок – казалось, колено у человека с ножом выстрелило – и он, выронив нож и вскрикнув, упал плашмя на пол лицом вперёд, нелепо подогнув левую ногу под себя. Болевой шок в чистом виде.

Паша не стал торжествовать над телом павшего врага, а сразу метнулся в комнату. Там стоял ещё один колоритный персонаж, руки которого были все в наколках. Он держал в руках спортивную битку.

– Мальчик, палочку положи, а то дядя больно сделает, – прошипел Ерёмин, всё ещё находясь «в темпе», то есть, в ритме ведения поединка. В этом случае боец соображает и действует намного быстрее человека, который только-только вошёл в ситуацию.

«Наколотый», видимо, не обладал опытом предыдущего павшего бойца и попытался было замахнуть битой на влетевшего в комнату бородатого незнакомца. И это была его фатальная ошибка. В тесной комнате, то есть, в ограниченном пространстве решение махать палкой было не самым эффективным. Зато Паша отлично умел вести бой именно в ограниченном пространстве его много лет этому учили сначала в армии, потом в различных секциях джиу-джитсу и боевого самбо. Поэтому, легко поднырнув под руки противника, которые начали раскручивать битку, он левой рукой заблокировал удар, а правым локтем, точнее, предплечьем ударил татуированного добра молодца слева в челюсть, добавив ещё лбом в подбородок. Бита вылетела из ослабевших рук, как пробка из бутылки с шампанским, а сами руки вместе с их хозяином последовали в обратном направлении, поскольку тот находился в глубоком нокауте.

Последнего четвёртого обитателя этой «хаты» совместными усилиями обезвредили Игорь и Сергей, а также те двое молчаливых волонтеров «Ночлежки», которых Антонов взял с собой в качестве подмоги. Впрочем, обезвреживать безвредного узбека не понадобилось – он просто сидел на кухне с той самой девочкой Машей, которую пришли освобождать «ночлежные мстители». Узбек этот был обычным строителем, которого наняли вместе с парой десятков таких же мигрантов из Средней Азии. Он пришёл на эту квартиру за Машей, чтобы забрать её на очередную стройку – там девушка должна была убирать, готовить, в общем, обслуживать строителей. Как именно обслуживать – этот вопрос как раз и пытался объяснить ей этот житель солнечного Узбекистана.

Его даже не били – Паша просто дал ему «леща», после чего медленно и внятно произнёс:

– Слышь, инжебё, скажешь своим пакемонам, чтобы не вздумал шум поднимать, а то хуже будет. А сам сиди тихо и не думай ментов вызывать, понял?

Узбек хитро прищурился, казалось, уже не имея такой возможности, и быстро произнёс фразу на узбекском:

– Мен тушунмайман!

Ерёмин грустно вздохнул и с места, ни слова не говоря, коротким движением одной лишь кисти бросил свою правую руку в район живота этого «ценного специалиста» из «братской республики». Тот как-то утробно булькнул, согнулся в три погибели и скорчился на полу. Паша ласково постучал его по согнутой спине и медленно, почти что по складам сказал:

– Полицияни чакиринг – мэн сени зо'рлайяман. Сыз миньге ёкасыз. Кетшим керак! Илтимос, давом этинг!

Узбек что-то промышчал, тогда Ерёмин приподнял его за волосы и посмотрел ему в глаза.

– Тушундижми, одам?

Тот мелко-мелко закивал. Паша похлопал его по щеке и, поворачиваясь к обалдевшим «соратникам», произнёс:

– Учить иностранные языки полезно – развивает мозг.

Глава восьмая. После драки кулаками машут?

Он сидел у костра и никак не мог отойти от ощущения, что всё это с ним уже когда-то было. И вот эта жизнь человека без определённого места жительства, и этот костёр на берегу залива, и этот рейд на квартиру к «охотникам за бомжами», драка с ними, освобождение девушки Маши. Паша как будто бы прожил всю эту жизнь раньше. Ну, может быть, не всю жизнь, а часть её? Например, у него было ощущение того, что бездомным бродягой он уже когда-то был. Правда, это было всего лишь ощущение – не воспоминания. В Португалии у него был знакомый, который стал там бомжевать. Его звали Дима. Но сам Паша никогда бы не опустился до такого состояния, потому что там стать бродягой было проще простого. Страна тёплая, практически круглый год лето – ну, на юге, конечно. На севере, например, в Порто – там прохладнее. А вот, к примеру, в Алгарве – благодать. Можно жить прямо на пляже. Кстати, местные бомжи так часто и делали – ставили себе на пляжах какие-то палатки или шалаши, там жили. Точнее, ночевали.

Но то была тёплая, беззаботная Португалия, там о бомжах заботились социальные службы, можно было не беспокоиться об одежде, да и на питание сердобольные португальцы всегда кинут какую-то мелочь. А здесь – Россия, Питер, северная столица. Осенью надо будет найти нормальное жильё. И для этого нужна нормальная работа, нормальная зарплата, да и вообще – надо становиться на ноги. И жить нормальной жизнью. Кризис ведь давно миновал...

Паша вспомнил, как было тогда, в 2008 году, когда в одночасье разрушился с таким трудом налаженный бизнес, когда рухнуло всё, что выстраивал с таким трудом. Он ещё два года боролся, пытался взять кредит, раскрутиться... Но кредит ему никто не дал, все сбережения ушли на то, чтобы раздать долги и подготовить семью к эмиграции. Хорошо ещё, что были кое-какие запасы и было что продать. А в Португалии пришлось всё начинать сначала. И если бы не предательство самых близких и родных людей...

От грустных мыслей о прошлом и будущем Ерёмина отвлёк Игорь Антонов, который, оказывается, уже минут десять что-то увлечённо ему рассказывал.

– ...Говорит, что приехал из Волосовского района Ленобласти, жил в детском доме поселка Каложицы. Мол, дали ему квартиру, но пришел человек от органов опеки, предложил обмен с доплатой. Он согласился. А в итоге не получил ни квартиры, ни денег. Из его законной квартиры парня моментально выписали. Я его спрашиваю: «А откуда ты знаешь, что человек тот был из органов опеки?» А он мне отвечает: «Он так сказал». Ну ты представляешь? Парню 22 года, вроде бы взрослый, а такой ребёнок. Спрашиваю его: «А ты в полицию не обращался?» Он мне отвечает: «Так я ж никто. У меня и паспорт забрали». Вот этот Миша мне первый и рассказал о том, что ходят мужики из «реабилитационных центров». Мол, говорили, что, если придешь к ним, будет еда и крыша над головой, работу дадут, платить будут. А на самом деле всех бездомных на стройке работать заставляли, денег не платили, никуда не выпускали. Так мы на этих сволочей и вышли...

У костра остались только Паша, Игорь и Вячеслав Романович Раснер, остальные уже разбрелись. Вася и Коля пошли к себе, они сегодня ночевали на Васильевском, Машу волонтеры Антонова увезли в «Ночлежку», её надо было спрятать на пару дней, а заодно оформить – ведь её документы на той квартире так и не удалось найти. А Серёга ушёл к себе – завтра ему надо было рано вставать и идти собирать картон, зарабатывать на хлеб насущный.

Вячеслав Романович пил чай из своей собственной кружки – он всегда её носил с собой, слушал Игоря и внимательно смотрел на Пашу. Антонов, видимо, уже выговорился и тоже молча пил чай. Нервное возбуждение уже отпустило, и «мстители» из «Ночлежки» просто отдыхали, снова и снова вспоминая свой отчаянный рейд.

– Ты когда начал тому узбеку что-то на его языке говорить, я офанарел, – Игорь засмеялся. – Ты что ему сказал-то? Он ошарашенный такой сидел.

– Я ему сказал, что он мне нравится и если полицию вызовет, то я его долго любить буду, – хмуро ответил Ерёмин, думая о своём.

– Да уж, Паша, умеешь ты удивить. Я даже подумать не мог, что ты такой крутой боец, – наконец высказал Антонов то, что так долго его мучило и что он не решался всё это время сказать.

В разговор вмешался Раснер.

– Я вообще не понимаю – почему ты бомжуешь? Языки знаешь, умный, образованный человек. И боец классный. При твоих талантах ты мог бы стать преподавателем, тренером, или, на худой конец, охранником, телохранителем. Нет, я понимаю, что это не для тебя, но с чего-то ведь можно начать?

Ерёмин вздохнул и ответил:

– Вячеслав Романович, ну вы же должны понимать – я только-только вернулся в страну, ни жилья, ни регистрации, ни денег. А про связи и знакомства я вообще молчу. Ну какой на хрен тренер? Кто меня куда возьмёт? Проверят документы, пошлют запрос в МВД – а у меня судимость! Да ещё и за убийство! Какая там работа, вы что? Каким телохранителем? Хорошо, если сторожем где-то устроюсь. Или разносчиком пиццы. Или буду, как сейчас, грузчиком или разнорабочим на стройке. Таланты... Таланты мозги вышибать нужны были в 90-е и в начале нулевых. А сегодня другие таланты нужны. Например, в кол-центрах стариков облапошивать...

Антонов тоже вздохнул.

– Умеешь ты, Паша, душу раздраконить. Понятно, что у нас мошенников полно, но мы с этим боремся. Кстати, всё хотел у тебя спросить – а как так получилось, что ты, умный интеллигентный человек внезапно сел в тюрьму за убийство. Да ещё и в Португалии. Если это, конечно, не какая-то страшная тайна...

Ерёмин криво усмехнулся.

– Игорь, не тайна это, но ты же должен понимать – мне об этом вспоминать лишний раз не хочется. Все мы под богом ходим, вот сегодня я мог снова загреметь за убийство – когда главарь тех бандитов на меня с ножиком напрыгнул. Если бы я ему не ногу сломал, а, скажем, голову пробил? Вот и в Португалии тоже просто так получилось... Хотя, если честно, случись ещё раз такое – точно бы убил, гниду! Всю жизнь мне переломал. Но тогда не было такого желания, просто так вышло...

...Он не хотел его убивать. Да и вообще – драться с Антоном, этим стокилограммовым кабаном, с литыми мышцами и накачанным телом, против которого он, Паша даже с его ростом 185 смотрелся, как какой-то ботан-переросток, было бы глупо. Но не зря в клубе «Спарта», за который Ерёмин выступал, его прозвали «Беспощадный» или, коротко – «Бес». Он всегда выходил на площадку готовый порвать своего соперника, уничтожить его. И часто побеждал именно за счёт своей одержимости, брал характером.

Да, он хотел дать Антону в морду, очень хотел. А там будь что будет! Ведь должен же он ответить за все свои подлости, которые сотворил! Паша ведь и в кумовья его взял, и работу ему дал – пристроил в свою команду, и деньги Антон получал весьма неплохие. Причем, в валюте. А потом, когда Паша сделал Антона своим заместителем и доверил ему закупки, то даже не особо контролировал расходы. И когда дела пошли из рук вон плохо, он даже подумать не мог, что его ближайший помощник просто банально его обворовывает!

А потом ещё и его благоверная начала финтить... Все эти истерики, неожиданные капризы, запросы какие-то непонятные. Казалось бы – в доме всё есть, муж нормально зарабатывает, дочка ухожена, отец постоянно с ней гуляет, играет, занимается. Захотела жена машину – поехали и купили машину, захотела пойти на тренировки по фитнесу – пожалуйста, слетать в Дубаи на недельку развеяться – нет вопросов! Чего ещё надо?

Когда кризис грянул – Паша долго пытался выбраться, как-то раскрутиться. Но понял, что не вывозит. И опять же, идея эмигрировать в Португалию – это была идея жены. Тогда Татьяна впервые в жизни взяла бразды правления в свои руки и всё сама организовала. И кум тогда подсутился. Паша даже подумать тогда не мог, что у Антона был какой-то свой интерес. А уже в Португалии, когда жена ему призналась, когда он понял, наконец, отчего его бизнес начал хиреть и кто был виноват в этом – он хотел просто высказать Антону в лицо все свои претензии. Ну, дать, конечно, в морду – хоть душу отвести. Но когда этот бугай в лицо стал ему высказывать всё, что думает о нём, Паше, и о его жене, Ерёмин не выдержал. Его кулак как-то внезапно вылетел и вонзился в наглую самодовольную рожу того, кто когда-то был другом и партнёром. Тот, видимо, просто не ожидал, что его бывший компаньон не только рискнёт ему предъявить что-то, но и полезет драться. Забыл, видимо, что Паша много лет вовсе не шахматами занимался. Ну и, само собой, Ерёмин бил профессионально – сильно и точно. Удар бойца полутяжёлого веса – это вам не шлепок, не пощёчина. Особенно, если к такому удару не готов, и вовсе не ожидаешь поймать челюстью чей-то кулак.

Антон не свалился, нет, но пошатнулся, замычал, закрыв обеими руками лицо. Но Паша не собирался на этом останавливаться – он тут же схватил бывшего приятеля за шею и плечо и, резко повернув его влево-вниз, обрушил всю его массивную тушу на асфальт. После чего моментально уселся сверху, заняв классическое положение «маунт». И тут же стал обрушивать сверху на Антона удары руками. Тот, выйдя из состояния «грогги», попытался было перехватывать Пашины руки, как-то прикрывать лицо, но Ерёмин, окончательно озверев, ударил своего бывшего кума в лицо головой, потом снова и снова бил то головой, то руками, остановившись только тогда, когда Антон перестал хватать его за руки и вообще перестал сопротивляться. Только после этого Паша, наконец, смог остановиться и опомниться. Он поднялся на ноги и ошарашенно посмотрел на своего кума. У того всё лицо было в крови, рот был открыт, однако он не дышал. И вообще, казалось, не подавал признаки жизни. В этот момент раздался звук сирены – кто-то из наблюдавших драку, видимо, вызвал полицию...

Ерёмина осудили довольно быстро – по португальским меркам, ведь суды там могли длиться несколько лет. Но тут всё было ясно – драка на почве неприязненных отношений, смерть по неосторожности, точнее, причинение телесных повреждений, приведших к смерти. Паша свою вину не отрицал, но пояснять причины драки отказался. Поэтому и получил срок семь лет, хотя адвокат просил смягчить наказание и приводил довольно весомые аргументы. Но рассказывать судье о личном Ерёмин не хотел и оправдываться не стал. И только дочери, которая позже стала навещать его в тюрьме, намекнул на некоторые причины, заставившие его так поступить с дядей Антоном...

...Но рассказывать о своей личной жизни каждому встречному – извините! Паша и так слишком много рассказал о себе, просто Антонов очень ему помог, вот и разоткровенничался...

– Игорь, если тебе нужно знать про меня подробности, то знай – подлости я не совершал и за то, что я сделал, мне не стыдно. Считай, что я убил подлеца на дуэли. Когда-то это было даже почётно. А остальное пусть останется на моей совести, которая, поверь, чиста. Тебе зачем это знать? Ты что – на работу меня хочешь взять?

– Я, Паша, сам не работодатель, я волонтер. Вернее, я уже координатор, но начинал, как волонтер. И работу предложить тебе я не могу – помочь могу, это моя работа. А вот работу предложить – нет, этим другие наши волонтеры занимаются. Ты оставь свои данные, я ребята там заброшу, потом придёшь к нам, в офис, они с тобой побеседуют, думаю, что-то смогут найти. В общем, придумаем что-то не переживай. Мы здесь рядом, ты у нас уже был. У тебя мобильный есть?

Паша засмеялся.

– Я же бомж, какой мобильный. Ладно-ладно, шучу. Я самый современный бомж, у меня не только мобильный телефон, но есть даже ноутбук. Вот, правда, интернета нет. И мобильный мой пока не работает – я карточку до сих пор не купил, у меня португальский номер в телефоне.

В разговор снова вмешался Раснер.

– А ты здесь долго жить собираешься? Тут ведь интернета нет, и не будет, – ехидно заметил он.

– Вы, Вячеслав Романович, прямо Капитан Очевидность. Я знаю, что нет здесь интернета, я вот только-только обжился, кстати, нашёл, где подзаряжать технику свою – недалеко здесь в домах с дворничихой познакомился, она меня пускает к себе, я там с ней чай пью, о жизни разговариваю, в общем, по-соседски в гости хожу.

– О, так может у неё и поселишься? Я вот так познакомился с одной женщиной, помнишь, я тебе рассказывал? Светлана Павловна, которая раньше работала в музее «Дорога жизни» на Ладожском озере. Она меня и приютила. Твоя дворничиха – она молодая или пожилая?

– Да нормальная такая старушка, ей за 60 уже. В мамы мне не годится, но и женится я не собираюсь, так что поселиться у неё не получится, – отшутился Ерёмин. – Тем более, что интернета там нет. Но я уже пару раз приловчился вай-фай ловить, есть места. Конечно, вот в Португалии с этим без проблем вообще, почти везде сеть есть.

– Так ты чего ноут таскаешь, у тебя же этот, смартфон, я вижу, неплохой – «Самсунг», да? – спросил Пашу Игорь Антонов.

– Ну, «Самсунг», и что? – ответил Ерёмин.

– Так, на тебе пакет с симкой, МТС, там безлимит на звонки внутри сети и пять гигабайт мобильного интернета. Тебе для начала хватит.

Паша расцвёл и кинулся обнимать Игоря.

– Благодетель! Спасибо! Вот ты меня выручил.

– Не выручил, а отблагодарил! – смущенно улыбаясь, уточнил раскрасневшийся, но довольный Антонов. – А вот тебе ещё от меня подарок.

Он достал из кармана какой-то конверт.

– Вот, держи, билет в счастливую жизнь!

Ерёмин с интересом посмотрел на конверт.

– Надеюсь, это пропуск в рай?

Игорь засмеялся.

– Ты почти угадал. Это с нами сотрудничает один бизнесмен, у него есть такой типа оздоровительный центр. И там в этом центре есть разные услуги – ну там, парикмахерская, салон красоты, всякие лечебные процедуры. Ну и баня. Вот как раз завтра баню он там открывает, дал нам пригласительные, мол, бесплатно можно сходить попариться.

Паша улыбнулся и пошутил:

– Вот бизнесмены пошли – даже бомжей приглашают на рекламную акцию.

– Да нет, – Антонов покачал головой. – наших подопечных они пока особо не приглашают, это больше для сотрудников. Но, в принципе, и этот бизнесмен, и другие – они нам сильно помогают, деньги переводят, с лекарствами, с разными вещами. Ну и, бывает, к ним и те, кто у нас живут, тоже могут прийти. Не всегда, конечно, сам понимаешь – у них клиентура совсем другая, понятное дело, бездомных к себе водить они не могут. Но вот если там что-то связано с лечением или лекарствами – всегда помогут. Но тебе какая разница? Ты же говорил, что баню любишь – вот, бери билет и завтра дуй туда, попаришься, отдохнёшь, а потом к нам приедешь. Там и поговорим о работе, о делах, о будущем твоём.

...Баня была просто супер! Паша так давно не парился, что для него этот пригласительный билет, который передал ему Игорь Антонов, был действительно пропуск в рай. Конечно, не хватало хорошего дубового веника, но Ерёмин и так был счастлив. К тому же он попа-

рил одного мужичка, а тот потом попарил и его. Так что блаженство было почти что полным. Однако, как говорится, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал...

Паша решил перед последним заходом в парную побриться – бомжевать ему уже надоело, надо было искать постоянную работу, а для этого его небритая физиономия не очень подходила. А поскольку зеркало было только в туалете, то он и устроился там. И чтобы не мешали, закрыл дверь – туалет был рассчитан на одного посетителя. Однако по закону подлости, именно в это время кому-то приспичило – видимо, недержание. Этот кто-то стал буквально ломиться в дверь. Ерёмин, уже намылив лицо, чертыхнулся и открыл, чтобы объяснить ситуацию. Но ему даже не дали рта раскрыть.

– Какого х... ты здесь закрылся? Один тут что ли?!

Паша рукой остановил рвущегося к унитазу какого-то дядьку и миролюбиво пояснил:

– Мужик, даже если я тут и не один, то имею полное право совершать свои интимные дела в этой специальной комнате. А ты подожди. Когда я закончу, то выйду, а ты зайдешь.

Но дядька почему-то не стал внимать голосу разума, а продолжал свои попытки пропихаться мимо Паши к заветному унитазу. Паша отпихнул назойливого посетителя санузла и, свирепея, прошипел:

– Слушай, хрен с бугра! Если ты усираешься – то не хрен в баню ходить! В любом случае мог бы вежливо объяснить свою проблему, а не борзеть! Все мы люди! А ты, я вижу, по-людски не понимаешь! Тогда жди за дверью и води себя культурно!

С этими словами Ерёмин захлопнул дверь и стал не спеша бриться. Точнее, приводить в порядок свою роскошную бороду. Но зловредный страдалец, срочно желающий облегчиться, продолжил стучать в дверь, сопровождая свои действия словами отнюдь не из джентльменского набора. Паша перестал реагировать и продолжал совершать свой ритуал. Однако дверь дрожала под ударами взбесившегося потребителя банно-туалетных процедур и Ерёмину пришлось ускоряться, чтобы не допустить поломки казённого имущества. Ведь дверь была не виновата в том, что у кого-то из посетителей отсутствует элементарная культура и принципы общежития.

Паша наскоро ополоснулся и открыл дверь. Перед ней стоял не только мужчина, пытавшийся попасть в туалет, игнорируя посетителя, которые его уже занял, но и, судя по белому халату и бейджику на нём, работник этой самой бани.

– Какого х... ты здесь закрылся? Тут все хотят... А ты тут что – цирюльню открыл? – снова начал свою шарманку возмутитель спокойствия.

– Слышь, мужик, тебе русским языком сказали – освободи помещение, ты тут какого х... начал выё..., что, самый деловой? – внезапно вызверился на Пашу банщик.

Работник оздоровительного центра был, что говорится, поперёк себя шире – эдакий пивной бочонок в белом халате весом примерно килограмм на 130. Ну и ростом под два метра. Видимо, эти факторы создавали у него видимость величия и неуязвимости. Потому что он после своих довольно нелицеприятных слов попытался сопроводить их соответствующими действиями. И потянулся своей ручищей к Пашиному лицу. Что он там хотел сделать, Паша угадывать не стал, а просто схватил эту руку и вывернул в обратную сторону, сделав классический рычаг кисти наружу или, как называется это в джиу-джитсу, котэ гаеси. Громила охнул и присел. Тут же к Ерёмину подскочил тот дядька, который всё это время ломился в туалет и который, видимо, позвал сотрудника бани на подмогу. Что хотел сделать этот крендель – тоже было непонятно, но явно он не собирался Пашу обнимать. Поэтому как подскочил, так и отскочил – после несильного тычка Пашиной ладони в область груди он отлетел к противоположной стене и упал на пятую точку. Ерёмин толкнул его несильно – кафель, скользко, мало ли что? Мужик мог упасть и головой удариться, снова судимость? На фиг, на фиг!

Паша вообще не собирался ни с кем заводитьсь – ну, зашёл человек в туалет, какая кому разница, что он там делает? Имеет право посетитель посетить места общественного пользова-

ния? А умывается он, бреется, или отправляет другие естественные надобности – кого должно это волновать? Но, видимо, в любом месте скопления людей обязательно найдётся кто-то, кому правила не писаны, а себя он считает пупом Земли. Именно на такого и нарвался Ерёмин, пытаясь просто привести себя в порядок. И надо же – вместо порядка получился форменный беспорядок. В смысле того, что припался этот служитель банного заведения в своей банной униформе.

Паша понял, что баня для него была испорчена. Но поскольку он был человеком упрямым, то сказал себе, что ни один мудак не сможет испортить ему этот праздник души – посещение бани. И поскольку он уже привёл себя в порядок, и его борода больше не выглядела, как помело, то вышел из одного заведения общего пользования и пошёл в другое заведение общего пользования – в парную.

Выйдя из парной, Ерёмин понял, что страсти уже накалились – красный, как рак, мужик, который прорывался в туалет, орал благим матом, как резанный, вокруг его собралась кучка таких же среднестатистических мужиков – любителей бани и пива, судя по их круглым животам. И судя по всему, Пашина роль в покушении на это вопящее тело описывалась на уровне какого-то террориста типа Бен-Ладена.

Заметив Пашу, мужик протянул палец в его сторону и заорал на самой высокой ноте, почти переходя на ультразвук:

– Вот этот п..., я его сейчас тут размотаю!!

Паша не любил, когда его называют нехорошими словами. Тем более, такими. Ни слова не говоря, он подошёл к внезапно замолчавшему дядьке и просто залепил ему крепкую пощёчину, даже, скорее, затрещину. Тот снова тупо селя на задницу, даже не пикнув.

– Слушай ты, придурок, ты можешь тут только свой поганый язык размотать, как грязную тряпку. Ещё слово такое скажешь – я тебе его в глотку забью, понял? Я тебе пока не трогал и не оскорблял, сам напросился. За свои слова отвечать нужно, а ты за метлой своей не следишь и базар не фильтруешь. Засохни, непутё, а то я сейчас отсюда выйду, и мы в сторонке обо всём поговорим неспешно. Ты уже себе намантулил на серьёзную предьяву. Усёк, фраер?

Дядька, внезапно поняв, на кого он прыгнул, выпучив глаза, мелко закивал головой. Мужики, стоявшие рядом, бочком-бочком стали сторониться и Паша, больше не устаивая этих толстопузых любителей банных утех, пошёл в раздевалку. Одевшись, он собрал свои немудрённые манатки и направился к выходу. Однако на первом этаже его ожидал сюрприз – тот самый банщик необъятных размеров. Как уже успел Паша услышать из криков пострадавшего от его руки дядьки и сделать вывод из разговоров в предбаннике, это был действительно банщик – Володя, который заведовал простынями, тапочками, в общем, всей банной фурнитурой. Ну и, само собой, занимался уборкой помещения после того, как баня закрывалась. Но вёл себя этот кладовщик-уборщик, как король. Эдакий Король Бани! И вот Паша осмелился при всех опорочить честь Короля!

Ерёмин подошел к кассе, чтобы сдать номерок от шкафчика, но тут бочкообразный Володя снова надвинулся на него, и шумно дыша чесноком, начал снова вкручивать Паше свои предьявы. Однако тот его не стал слушать, а отдав номерок, собирался было покинуть сие заведение некультурного сервиса. Это взбесило «короля Бани».

– Ты тут что – основной? – прогудел Володя и внезапно махнул своей ручищей.

Ерёмин не ожидал, что кто-то вот так, в общественном месте вдруг ни с того ни с сего начнёт драться. Поэтому не среагировал, когда в его лицо прилетел увесистый кулак. Впрочем, банщик, хотя и весил, как супертяж, бить не умел и Паша даже не особо почувствовал удар. Но было неприятно. И он тут же, даже не задумываясь, на автомате провёл классическую двойку – два прямых, и добавил правый боковой. «Король Бани» рухнул на рядом стоящую скамейку, как срубленный вековой дуб. А Ерёмин по привычке склонился над ним с занесённым кулаком – его всегда учили добивать противника.

– Давай, давай, сейчас полицию вызову, она тебе срок моментально накрутит, – злорадно улыбаясь, пролепетал банщик, закрываясь руками.

Паша выпрямился, демонстративно размял кулаки и ответил:

– Это смотря кому срок накрутят. Тебе так точно – ударил посетителя при всех, халдей. Вон, у меня синяк на лице. А я тебе аккуратно ответил, не понимаю, чего ты вдруг тут поваляться решил.

– Ничего-ничего, сейчас полиция приедет, посмотрим, кому и что накрутят. Никто не видел, как я тебя бил, а все скажут, что ты меня избил, свидетели найдутся, – не унимался Володя.

– Я видел, как ты старика ударил. И заявление напишу, – внезапно раздался голос.

К кассе подошёл прилично одетый мужчина в очках, похожий одновременно на депутата и бизнесмена, что, впрочем, по нынешним временам было одно и то же. Он поставил на скамейку свой весьма дорогой портфель, достал из кармана удостоверение и предъявил успешшему подняться на ноги банщику.

– Я депутат Законодательного собрания от Либерально-демократической партии России Андрей Лебедь. Вызывайте полицию, я дам показания, в которых зафиксирую нападение сотрудника вашего заведения на клиента.

И повернувшись к Паше, продолжил.

– Не волнуйтесь, уважаемый, вы находились в состоянии самообороны, так что срок грозит вот этому гражданину.

Глава девятая. Полезные знакомства

Есть такая пословица – не было бы счастья, да несчастье помогло. Вот так и случилось на этот раз с Пашей Ерёминым, 1965 года рождения, гражданином России, но побывавшим в роли гражданина Белоруссии, Украины и Португалии, а также в роли осуждённого и депортированного.

Впрочем, все мы играем в своей жизни большое количество ролей. И это даже не роли, а, скорее, маски. Те самые маски, которые мы всю жизнь меняем. Хороший сын, пылкий юноша, романтический влюбленный, верный муж, прекрасный отец, отличный работник, мудрый начальник. Роли, которые мы играем всю жизнь, как костюмы, которые все берут напрокат в одной конторе. Впрочем, Паша Ерёмин, даже если и играл свои роли, то выбирал их сам и не играл – жил в них. Ведь судьба предлагала ему роли весьма интересные, можно сказать – жизненные. Сначала всё было, как у всех – родители, школа, среднестатистическое детство. Правда, детство было счастливое, советское – октябрята-пионеры, пионерские лагеря, где днём купаешься, загораешь, тихий час, потом спортивные игры – футбол-волейбол, вечером – с девочкой, которая нравится, закутавшись в одно одеяло, смотришь фильм про «Неуловимых мстителей» и с замиранием сердца касаешься худенького девичьего плечика.

А вот после школы Паша стал приобщаться к миру взрослого кино. Нет, это не о том, о чём вы могли подумать – сначала он пошёл работать на завод, в первый раз отказавшись выполнять приказ матери поступать в университет. Потом – армия, та самая жёсткая школа жизни, которую многие советовали ему пройти заочно. Спецназ, где у Ерёмина наконец-то исполнилась его заветная мечта – он научился драться. И не просто драться, а драться всерьёз. Не на жизнь, а за жизнь. Самое интересное – научившись драться, Паша после армии ни разу так и не применил своё умение в реальной ситуации. Ну, почти не применил. Пару раз на него нападали какие-то не то грабители, не то просто хулиганы – и очень быстро отпадали. Причём, Ерёмин не применял и десятой доли того, чему его научили в спецназе – боялся убить. Ну, так, пара ударов, болевой приём и всё, всем спасибо, все свободны – хулиганы удирают, хромая и держась за ушибленные места, а Паша спокойно продолжает своё движение к намеченной цели. В общем, роль супермена в малобюджетном боевике.

Дальше у Ерёмина были роли студента, потом преподавателя, потом мужа и отца, бизнесмена и тренера, короче, все эти социальные роли в жизни не всегда были ролями – Паша с легкостью примерял на себя все условности бытия, всегда оставаясь самим собой. Он к своему удивлению, оказался по-настоящему и любящим мужем, и заботливым отцом, и талантливым педагогом – ему нравилось учить людей, нравилось нести им знания. Сам он учиться не очень любил. Точнее, любил учиться только тому, что нравилось. С лёгкостью освоил игру на гитаре, пробовал играть в любительском театре, но очень тяжело ему давались иностранные языки. Прекрасно владел своим телом, осваивая сложнейшие приёмы из разных единоборств, но впадал в ступор, когда приходилось садиться за руль автомобиля. Потом, получив права, он понял, что проще не мудрить, а купить себе машину с автоматической коробкой передач. В общем, с ролью водителя автомобиля Ерёмин тоже справился, хотя она была, пожалуй, самая сложная.

Но, как оказалось, все сложности были ещё впереди. И в 2010 году Паше пришлось примерить на себя сначала роль эмигранта, а потом роль преступника и осуждённого...

И вот до сегодняшнего дня все его несчастья как-то не особо ему помогали. По крайней мере, он не чувствовал, что все эти сплошные чёрные полосы приведут его к какому-то прорыву в светлый мир. В той же Португалии сразу пришлось становится самым чёрным человеком – в буквальном смысле этого слова. Ведь Паша пошёл работать на стройку, чтобы прокормить свою семью, а на стройке в Португалии работают в основном негры – тоже эмигранты, но

не такие, как Ерёмин. Потому что они, скорее, были репатриантами – возвращались в Португалию из её бывших колоний: Мозамбика, Анголы, Гвинеи-Биссау, Мадагаскара и так далее. И хотя у них были некоторые льготы, как у репатриантов, всё равно они тоже были иммигрантами. Как и Паша Ерёмин. И его португальская «чёрная полоса» в буквальном смысле стала его жизненным кредо.

И вот на тебе – очередная такая невезуха обернулась для него новым полезным знакомством...

– Ты неплохо боксируешь. Такого кабана двумя ударами уложил, – сказал Паше Андрей Лебедь, когда они вдвоём вышли из оздоровительного центра с претенциозным названием «Термы».

– Тремя, – скромно заметил Паша.

– Нет, двумя, третий был уже в падающую тушу этого динозавра, – рассмеялся Лебедь. – Я, знаешь ли, опером в уголовном розыске начинал, потом в службе безопасности отпахал прилично, так что знаю толк в ударе. Боковой уже был лишним – ты его срубил двойкой. Ты откуда такой тут нарисовался, борода до пояса?

Ерёмин вздохнул.

– Мы с вами, гражданин начальник, из разных слоёв общества...

Депутат насторожился.

– Из арестантов что ли? По виду так не скажешь, скорее такой старый хипарь... Знаешь что, после бани сердце просит пивка накатить. Поехали со мной, тут есть один ресторанчик, по пивку ударим и там мне всё расскажешь.

Паша покачал головой.

– Во-первых, я не пью. А пиво вообще терпеть не могу. А, во-вторых, не привык принимать подобные предложения от незнакомых мне людей. Мне расплачиваться нечем, а быть в долгу я не привык.

Лебедь с интересом посмотрел на Ерёмину и потёр пальцами руки свой лоб, что, видимо, означало у него серьёзность намерений.

– Гордый, – ни к кому не обращаясь, как бы констатировал он факт.

Потом продолжил, уже непосредственно глядя на Пашу.

– Гордый – это хорошо. Не часто такого встретишь, тем более, в бане, тем более, если пришёл по пригласительному билету.

И в ответ на удивлённый взгляд своего визави, рассмеялся.

– А ты как думал? Я после того, как за тебя вписался, быстро навёл о тебе справки. Понятно, что денег на такой сервис у тебя нет, значит, кто-то дал пригласительный, значит, тот, кто тебе его дал, близок к хозяину заведения, а значит, ты не какой-то там проходимец. С другой стороны, не эта так называемая «ылита», – слово «элита» Андрей Лебедь произнёс с нескрываемым презрением.

Ерёмин улыбнулся.

– Чего лыбишься? Я сразу тебя срисовал и прокачал, нормальный мужик, и борода твоя меня не обманула. Мы, наверное, с тобой ровесники, но выглядишь ты довольно неплохо, видно, что спортсмен, причём, профессиональный. А борода тебе хоть и идёт, но сильно не старит, глаза у тебя молодые. В общем так, гражданин хороший, давай прыгай в мою «боевую машину Владимира» – это мы так БМВ прозвали за то, что наш Вольфович любит эту марку, и в ресторан. Я угощаю. Считай это вызовом на собеседование. Мне толковые люди нужны. Я, как спортсмен, не могу пройти мимо такого бойца. В общем, в ресторане и пообедаем, и поговорим.

...Через час депутат Законодательного собрания от либерально-демократической партии России и председатель постоянной комиссии по строительству, транспорту, связи и дорожному хозяйству Андрей Лебедь в общих чертах владел информацией о гражданине Ерёмине. Он

слушал Пашину эпопею довольно внимательно, почти не задавая вопросов, но по ходу что-то помечал в своём блокноте. Когда речь зашла о спортивном прошлом Паши, Лебедь оживился.

– Ну, смотри, мужик, по поводу твоих деловых качеств, ну, там, по бизнесу или по организации чего-то там – это мы с тобой позже обсудим все перспективы. Сейчас я тебя ещё слишком мало знаю, чтобы принимать какие-то решения. А вот насчёт твоих бойцовских навыков и спортивной подготовки – тут у меня к тебе есть деловое предложение. Я сейчас поддерживаю один проект интересный, называется «Битва за хайп». Там по правилам ММА дерутся не только профессиональные спортсмены, а больше любители. Но любители с именем – известные блогеры, скандальные журналисты, артисты, в общем, те, кто в интернете уже имеет имя и просмотры боев этих людей в ютубе будут высокими. Ведь шоу надо окупать. Ну, я подумаю над тем, как тебя раскрутить. Но для начала приходи к нам в спортзал, вот тебе визитка, там адрес, телефон, давай на следующей неделе, в субботу подгребай с утра, часикам к десяти, я там утром буду разминаться и посмотрю на тебя как раз. Лады?

Паша пожал плечами, хмыкнув.

– Я поищу в своём расписании свободное время и мой пресс-секретарь вам перезвонит. Депутат недоумённо поднял брови, но потом, внезапно поняв смысл шутки, засмеялся.

– Да уж, бомж с пресс-секретарём – это сильно. Кстати, насчёт жилья – а чего ты на Канонерском острове обосновался? Тебе чего – в «Ночлежке» не комфортно? Там кормят, бытовые условия нормальные – стирка, душ, кормят хорошо. Если проблемы, так я с администрацией Васильевского района договорюсь, там у них на набережной лейтенанта Шмидта, нормальный такой дом ночного пребывания. И здесь рядом, на Обводном канале ночлежка Адмиралтейского района тоже неплохая, я могу позвонить.

Паша улыбнулся.

– Да нет, всё нормально, я здесь хорошо устроился – свежий воздух, никто не надоедает. Я после тюрьмы как-то не очень люблю человеческое общество, особенно если рядом находятся люди, мне неприятные. Сейчас лето, не холодно. Да и приятель одну работу обещал в яхт-клубе, здесь недалеко, на Крестовском. Если что, там и устрою себе жильё получше. Всё-таки, к цивилизации поближе. Но пока вот такое у меня послушание...

Лебедь помолчал, потом посмотрел на часы и, встав из-за стола, поставил на стол свой дорогой портфель. Покопавшись в нём, выложил пару листков бумаги с каким-то текстом, и, обращаясь к Паше, сказал:

– В общем так, товарищ послушник, твоё монашество – это, конечно, твоё личное дело, но послушай моего совета. Тебе надо социализоваться, ты нормальный умный мужик, да ещё и профессиональный тренер. И чтобы тебе устроится сейчас в Питере, обрести статус, имя, положение, нужно не заикливаться на прошлом, а смотреть в будущее. Времена хиппи давно прошли, и у тебя не тот возраст, чтобы сегодня бомжевать и работать подсобным рабочим. Много так не заработаешь, а ты ещё не старый, и семью можешь ещё завести, и нормально жить. А вот твой возраст и твоя подготовка – вот это как раз может составить тебе неплохую рекламу. Если вот такой старик Хоттабыч выйдет в ринг или в клетку и начнёт показывать чудеса – это зрители будут смотреть с удовольствием. В общем, давай, приводи себя в порядок, тебе надо тренироваться, нормально питаться и вообще – жить нормальной жизнью... Всё, я поехал, у меня ещё куча дел, не забудь про субботу, встретимся в спортзале – более плотно пообщаемся на тему твоего будущего.

Так впервые прозвучало имя «Хоттабыч» и так началась история, в которой произошло чудесное превращение Паши Ерёмкина в нереального волшебника, который стал творить реальные чудеса.

Но сначала произошло ещё одно удивительное и, можно сказать, чудесное событие, которое заставило Пашу забыть о своих первоначальных планах...

...Через день после похода в баню утром Паша проснулся от какого-то шума. Как раз было воскресенье, и он никуда не собирался идти. До следующей субботы, то есть, до встречи с Лебедем была ещё целая неделя, а в понедельник он должен был показаться руководству Яхт-клуба, куда Серёга обещал его пристроить на работу. Так что он собирался выспаться и даже решил проигнорировать зарядку, которую он совершал каждое утро сразу после того, как просыпался. Поворочавшись в своём спальнике и поняв, что уже не уснёт, Ерёмин вылез из него и, как был, в одних трусах пошёл искать источник странного шума. Выйдя из лесополосы, он с удивлением увидел неподалеку, метрах в двухстах толпу людей, которые орали, свистели и вообще вели себя, как ненормальные. Сквозь дикий шум, который они создавали, прорывались звуки, издаваемые то ли ди-джемом, то ли ведущим какого-то концерта – мужской голос, усиленный микрофоном, что-то вещал. Это вещание напоминало Паше нечто очень знакомое – примерно такая атмосфера и такой шум были во время трансляции матчей по профессиональному боксу. И действительно – толпа расположилась в центре огромного поля, точнее, огромной прибрежной полосы, часть которой была, что называется, трава по пояс, а часть представляла собой огромную песчаную отмель. И как раз в самом начале этой отмели и бушевала толпа.

Паше стало интересно, и он решил подойти поближе, посмотреть, что там за шум и почему собрался народ. На свой внешний вид он внимания не обращал – он же здесь живёт, он как бы у себя дома. Тем более, подойдя поближе, он заметил, что в толпе мелькали такие же, как он, типы, на которых кроме спортивных трусов, больше не было никакой одежды.

«Видимо, какое-то спортивное сборище», – подумал Ерёмин и спокойно подошёл к кричащей тусовке.

Протиснувшись через довольно немалую толпу, плотно собравшуюся в самом центре поляны, Паша неожиданно очутился перед самым настоящим рингом. Точнее, ринг был не совсем настоящим, а таким... немного самодельным. То есть, не было такого подиума с канвасом и толстыми канатами, а была площадка размером примерно пять на пять метров, засыпанная песком. По углам стояли какие-то желтые столбики, между ними были натянуты простые веревки миллиметров по десять в диаметре. И это, собственно, и был «ринг». А внутри этого «ринга» двое парней с голым торсом и в трусах дрались друг с другом. На руках у них были, как успел заметить Паша, перчатки формата ММА – шингарты. В отличие от боксёрских перчаток эти были с обрезанной передней частью, то есть, пальцы в них остаются свободными и позволяют сделать захват или бросок. Судя по всему, бои велись в полный контакт и это точно был не бокс.

Ерёмин немного поглазел на действо – как раз оба бойца свалились в партер и месили друг друга, уже вывалявшись в песке. В какой-то момент рефери – огромный мужик, который судил бой с ларингофоном – подал команду «Стоп» и бой остановили. Голос судьи благодаря гарнитуре звучал отовсюду, транслируемый через колонки. Рефери по ходу комментировал остановку – мол, бойцам песок попал в глаза и им дали время их промыть водой. Параллельно откуда-то звучал ещё один усиленный микрофоном голос, который комментировал весь поединок, но кто это был – Паша пока не видел.

– Слушай, а что здесь происходит? – спросил Ерёмин у какого-то парня в кепке, который увлечённо следил за перипетиями боя.

Тот с удивлением глянул на странного бородача в трусах и ухмыльнулся.

– Что, дед, на пробежку утреннюю выбежал. А тут у нас рубилово. Чемпионат по уличным боям «Стрела», не слыхал? Бои идут по правилам ММА. Знаешь, что такое ММА? Это смешанные боевые искусства в переводе с английского mixed martial arts. То есть, бой ведётся при помощи ударов рук, ног, коленей, иногда локтей, а также используется техника борьбы – броски, подсеки, подножки, борьба в партере. А в партере разрешены болевые приёмы. Да тебе, дед, это не интересно, беги на свою пробежку, здесь молодые пар выпускают. У тебя здоровья не хватит.

– Много ты знаешь про моё здоровье, – проворчал Паша.

Парень вытаращил глаза, а Ерёмин задал ещё один вопрос.

– То есть, если говорить о правилах «Стрелы», то они примерно такие же, как в ММА? Нельзя бить головой, локтями, в пах, пальцами в глаза, горло. В ММА также запрещены удары в позвоночник и работа коленями в голову в партере, но все удушающие и болевые приёмы разрешены. Правильно?

– Ого, дед, да ты просто топчик! Видать, занимался, да? – парнишка развеселился и даже стал подпрыгивать на месте от возбуждения. – Всё верно, это ММА и есть, только такое... уличное. Потому и «Стрела», типа, забить «стрелу», ну ты же, наверное, 90-е хорошо помнишь?

Паша глянул на юношу исподлобья, но ничего не ответил. Потом повернулся и стал смотреть дальше.

А на ринге продолжался бой. Отмыв глаза от песка, бойцы снова сошлись в центре ринга, но уже через минуту опять свалились в партер. Возиться там у них, видимо, уже не было сил, но одному парню удалось захватить шею соперника и, перевернув того на спину, провести удушающий приём. Парней подняли, объявили победителя и они, шатаясь от усталости, вылезли с ринга. А кто-то уже объявлял следующую пару желающих подраться. И тут Паша увидел того, кто орал в микрофон. Это был неказистый толстячок среднего роста в бейсболке, одетой набекрень. Он то и дело орал в микрофон, говоря сразу обо всём и со всеми – то обращался к рефери, то спрашивал о чём-то участников боя, то озвучивал какую-то информацию для зрителей, которых собралось довольно много – вокруг ринга на площадке было порядка пятисот человек, если не больше. Люди постоянно двигались туда-сюда, приходили, уходили, в общем, всё время шёл какой-то движняк. А толстячок был, что называется, душой собрания, как в анекдоте, когда старшина в роте командует «Да выключите радио, кто здесь главный я или радио?» Так вот этот гражданин в бейсболке успешно заменял собой и старшину, и радио.

Паша подошёл к нему, поняв, что этот тип явно является одним из организаторов данного шоу. И он не ошибся.

– Здравствуйте. Скажите, а как можно выступить у вас в ринге? – спросил его Ерёмин.

Толстячок точно так же, как Пашин предыдущий собеседник, несколько обалдело посмотрел на него и удивлённо спросил:

– Папаша, вы не шутите? У нас здесь молодые парни, причём, многие подготовку имеют, спортом занимаются. Вы, я вижу, тоже не задохлик и не с пивным животиком, но, судя по вашей седой бороде, лет вам немало. Поди, полтинник уже есть?

– А у вас что, ограничения по возрасту? – тут же задал Паша ещё один вопрос.

В этот момент в толстячку подошел рефери.

– Гриша, у нас тут пара не сложилась – неявка одного заявленного бойца.

Тот, кого рефери называл Гришей, моментально оживился.

– Влад, смотри, вот дед боевой пришёл к нам, спрашивает – можно ли ему выступить. Может, дадим дедушке потряхнуть стариной?

Влад скептически посмотрел на Пашу.

– А старина не развалится, если он ею потряхнёт? Ты как, отец, серьёзно или пошутил?

Паша усмехнулся.

– В моём возрасте, сынок, уже не шутят. Я же серьёзный дядька, сам видишь. А насчёт старины моей не беспокойся – я хорошую закалку прошёл, ты смотри, как бы твои малыши не развалились.

Толстячок Гриша аж подпрыгнул.

– Ого, вот это заявка. Ну, давай, дед, поставим тебя. Я так понимаю, экипировки нет у тебя? Перчатки, капа?

Ерёмин пожал плечами.

– Извините, парни, я тут случайно мимо шел, дай, думаю, посмотрю. Капы у меня нет, да и вообще кроме спортивных трусов никакой экипы, действительно, больше нет. Но я могу и без капы выступить.

Гриша покачал головой.

– Извините, уважаемый, без капы нельзя. А если вам челюсть сломают? Ладно, для такого боя я вам из наших запасов капу выделю, правда, она не варёная, новенькая, в упаковке. Но зато безопасность. И перчатки вам найдём, есть у нас дежурные, восемь унций. Идите, разминайтесь. Вес какой у вас?

Паша снова пожал плечами.

– Точно не знаю, был 87, наверное, сейчас меньше, 85 примерно. За капу и перчатки спасибо. Я думаю, вы не пожалеете.

Вмешался Влад.

– Вы раньше выступали, занимались чем-то?

Ерёмин улыбнулся и кивнул головой.

– Ушу-саньда, панкратион, джиу-джитсу – подойдёт?

Гриша удивлённо посмотрел на Пашу.

– Ого! Боевой дед! Ушу-саньда – что это, не слыхал. И панкратион – что-то знакомое, но не знаю. А джиу-джитсу – это сильно, пойдёт, бороться, значит, умеете.

– О, так может его с нашим ушу-мастером состыковать? Он вроде тоже ушу занимался? – спросил рефери.

Гриша покачал головой.

– Не, у нас уже есть один «Ушу-мастер», не надо нам второго. Как тебя, отец, величать будем? Дед? Как-то обыденно. Надо тебе ник какой-то придумать, псевдоним.

Влад внезапно хлопнул по плечу своего коллегу.

– Смотри, какая у него борода. Я недавно по телику фильм забавный видел, «Хоттабыч» называется, там этот играл, который в «Собачем сердце». Прикольный такой фильмец! Так вот, пусть будет Хоттабычем дед!

Гриша засмеялся.

– А что, крутой ник! И рекламный такой! Отец, согласен? Будешь Хоттабычем?

Паша поднял вверх большой палец!

– Да, мне нравится. Ну, что ж, тогда ждите от меня различные чудеса! Я пошел готовиться!

Глава десятая. Трах-тибидох!

Пока Паша готовился – разминался, растягивался, в общем, проводил ускоренную разминку, радио по имени Гриша уже начал его раскрутку.

– Дамы и господа, следующий бой сегодняшней «Стрелы» обещает быть суперинтересным. Потому что сегодня в ринге выступит старик Хоттабыч – неизвестный волшебник, который пришёл к нам из ниоткуда! Ушу и джиу-джитсу, сплав борьбы и ударной техники, а также мудрость и опыт – всё это позволяют нам надеяться на чудеса, которые Хоттабыч покажет в этом бою!

Пока Гриша изображал радиоведущего и заливался соловьём, раскачивая собравшуюся публику, Паша десять раз присел, разгоняя кровь, потом помахал руками, изобразив бой с тенью и, окончательно размявшись, подошёл к Грише.

– Ну, что, я готов. С кем драться?

Толстячок прервал свой нескончаемый спич и, повернувшись к Паше, воодушевлённо заорал:

– Дамы и господа! Вот к нам подошёл старик Хоттабыч, который обещал показать нам всем чудеса в ринге! Сейчас мы выдадим ему перчатки и капу, поскольку он у нас проездом, точнее, пробежал мимо и забежал на огонёк. И я думаю, он сейчас здесь зажжёт! Хоттабыч, несколько слов о себе!

И сунул микрофон Паше под нос. Ерёмин не растерялся, изобразил, что вырывает из своей бороды волосы и произнёс:

– Трах-тибидох!

Гриша тут же подхватил шутку, снова заорав, как резанный:

– Вот, Хоттабыч уже творит своё волшебство, произнёс своё знаменитое заклинание, посмотрим, как оно сработает против нашего бойца! Дамы и господа, встречайте! Против Хоттабыча маленький, да удалый злодей по кличке «Змей»! Полутяжелый вес, так что всё возможно – может быть нокаут, может быть болевой приём! Змей у нас боец опытный, ему подвластна и ударная техника, и борьба. Хоттабыч тоже мастер джиу-джитсу, так что схватка обещает быть интересной!

Пока ведущий самозабвенно делал промоушен предстоящему бою, Паша, он же Хоттабыч подошёл к рефери по имени Влад – мужику под два метра ростом, но уже с явным пивным животом и признаками ожирения.

– Вы обещали капу и шингарты.

Влад улыбнулся и, протягивая Паше перчатки, заметил:

– Точно опытный. Знаешь, как называются перчатки для смешанных единоборств. Ну, что ж, значит, бой будет интересным – опыт против молодости. Держи капу.

И он протянул Ерёмину прозрачный футляр, в котором лежала такая же прозрачная боксёрская капа – пластиковая вставка на зубы, чтобы боец их не повредил и ему ударом не сломали челюсть. Паша примерил капу – она была не варёная, то есть, не вываренная в кипятке и не подогнанная под его зубы, поэтому сидела несколько коряво и жёстко.

«Ничего, – подумал Паша, – главное, что зубы будут целы, а то на стоматолога у меня денег нет».

Непонятно, что именно послужило толчком для принятия Ерёминим решения подраться здесь, на какой-то уличной «Стреле», в песке, с непонятными соперниками, да ещё и без какой-либо подготовки. Паша последний раз выступал, наверное, ещё в 2008 году, а потом только когда тренировал учеников, иногда становился с ними в пару и проводил спарринги с дозированным контактом. И тут – на тебе, такой поворот! Но как говорят, спонтанные решения – они

самые правильные, потому что принимаются на интуитивном уровне. Так и здесь – Паша не стал задумываться, почему он пришёл сюда и почему решил участвовать в бою.

– Дамы и господа, – между тем продолжал вещать Гриша. – Сейчас состоится ещё один интересный бой на чемпионате «Стрела». Помните, важное отличие нашей «Стрелы» от подобных поединков в профессиональном спорте: здесь нет раундов и вообще временных ограничений, то есть бой должен закончиться нокаутом или остановкой на усмотрение судьи. У нас может принять участие в боях любой человек – не обязательно спортсмен или профессиональный боец, чаще всего приходят обыкновенные люди, простые мужики из народа. И вот сегодня один такой мужик по имени Хоттабыч решил потряхнуть стариной и вспомнить молодость! Встречайте – наш волшебник, Хоттабыч!

Паша понял, что пора выходить в ринг, бросил в рот капу, которую предварительно промыл водой из баклажки – она стояла прямо рядом с рингом, одел перчатки и пролез под канатами в ринг. А Гриша заливался соловьём.

– Дамы и господа! Против нашего таинственного волшебника по имени Хоттабыч, которому, как вы видите, уже немало лет, выходит совсем молодой, но уже опытный боец по кличке Змей. Змей уже принимал участие в наших боях и дважды побеждал. Посмотрим, сможет ли он продолжить сегодня серию своих побед! Итак, внимание – Змеееееей!

Через канаты перелез довольно молодой парнишка. В отличие от Паши-Хоттабыча, который был в задрипанных спортивных шортах, Змей был в фирменных шортах из полиэстера. Да и перчатки у него тоже были фирменные и довольно дорогие, а не потертые китайские, какие были у Паши.

«Ничего, – подумал он, – бывало и похуже. Здесь хоть защита есть, капа, вон и рефери. Так что посмотрим ещё, кто тут кого победит».

– Бойцы – на середину! – пророкотал рефери по имени Влад.

Паша и его оппонент вышли на середину ринга.

– Правила помним и не нарушаем. Бить в пах и позвоночник запрещено, удар коленом в голову только в стойке, в партере нельзя, дисквалификация. Времени нет, судей нет. Внимательно слушайте мои команды и покажите красивый бой. По углам!

Соперники разошлись каждый в свой угол.

– Дед, у тебя секундант есть?

Рядом с Ерёминым внезапно оказался тот самый парень в кепке, с которым он разговаривал, когда только пришёл сюда.

Паша помотал головой.

– Окей, давай я буду тебе секундировать. Я буду кричать, что делать, хорошо?

Ерёмин посмотрел на парня и снова помотал головой.

– Ты, если хочешь помочь, просто помолчи. Если песок попадёт в глаза, промоешь, хорошо?

Тем временем рефери снова подал голос.

– Боец справа готов?

Паша кивнул и поднял руку.

– Боец слева готов? Внимание, бой!

Змей сразу пошёл на Пашу, как танк, но тот его остановил, показав свою открытую ладонь, мол, давай поздороваемся, прояви, пацан, уважение. Тот сначала опешил, потом улыбнулся, кивнул и ударил своей ладонью в перчатку по Пашиной руке. Бой начался!

Но как-то сразу и закончился. Потому что Змей попытался провести классическую двойку – правый прямой-левый прямой, а Паша моментально нырнул по его правую руку и, забросив свою правую руку ему на шею, а своим подбородком прижав правое плечо Змея к его же шее, свёл свои руки в удушающий захват «анаконда», и провёл удушающий приём «треугольник руками». Это классический приём из арсенала самбо и джиу-джитсу, его стали при-

менять недавно и в бразильском джиу-джитсу, которое Паша презрительно называл «боевое жополазание». Когда он занимался в Португалии в секции БЖЖ или, правильнее, БДД, португальцы были в шоке от того, как новичок с белым поясом пару раз победил болевым приёмом признанных мастеров с фиолетовыми и чёрными поясами. А Ерёмин просто применял те приёмы, которые от него совсем не ожидали маститые гранды – например, скрутку пятки. Или узел плеча, но в стойке. Джитсеры в стойке почти не боролись, поэтому Пашино самбистское прошлое сослужило ему хорошую рекламу.

Так произошло и на этот раз – молодой и самоуверенный завсегдатай «Стрелы» просто не ожидал от ветерана с седой бородой такой прыти и, скорее всего, просто не знал этого приёма – фронтальное удушение руками в стойке. И пока он размышлял, как бы двумя-тремя ударами красиво закончить этот бой, моментально попался на контрприём, и, как многие ударники, не понимал, что можно было сделать.

Нет, Змей, конечно, пытался трепыхаться и как-то вырваться, но Ерёмин плотно взял захват шеи и, прижав свой рукой одну сонную артерию, плечом противника заблокировав вторую его сонную артерию, стал постепенно сводить кольцо «анаконды», добавив ещё и свой вес. А 85 килограмм – это вам не шутка! И когда на твоей шее сомкнулись весьма неслабые руки, а соперник давит сверху всем своим телом, то выхода почти нет. Конечно, опытный боец попытался бы уйти вниз, разорвать захват, как-то вывернуться, но на это нужно время. А Змей первые секунды просто, что называется, прощёлкал клювом, и поэтому уже через пять секунд... уснул. То есть, потерял сознание.

Обалделый рефери даже не сразу понял, что случилось. Заткнулся и что-то оравший в микрофон Гриша. На поляне установилась пронзительная тишина. И вдруг эту тишину разорвал громкий вопль:

– Врача!!!

Рефери вышел из ступора, засуетился, подбежал к Паше, который бережно опустил своего визави на песок и стал приводить его в чувство.

– Не надо врача, – бросил он Владу через плечо. – Пацан уснул просто, сейчас очнётся.

При проведении удушающего приёма, когда перекрывается доступ крови к мозгу, поступающей через сонные артерии, мозг человека, как во время перегрузки электросетей, выключает сознание. Как автомат на тумблере – щёлк – и человек просто засыпает. Наваливается внезапно темнота и всё. Но через некоторое время, если вовремя принять меры и привести потерявшего сознание в чувство, человек «просыпается». Надо просто дать доступ кислороду в лёгкие и похлопать «удушенного» по щекам, поднять его руки. А самое главное – вытащить у него изо рта капу, чтобы пострадавший мог свободно дышать. Именно это и сделал Ерёмин!

И пока он хлопал Змея по щекам, пока тот оклемался и, проснувшись, удивлённо оглядывался по сторонам – мол, как я сюда попал – люди, расположившиеся вокруг ринга, внезапно тоже очнулись от ступора и как-то разом все заорали, заулюлюкали, захлопали! Было такое впечатление, что дурдом в полном составе внезапно прибыл на Канонерский остров и показывал, что могут сделать пятьсот сумасшедших, если их выпустить на свободу и дать возможность выражать свои эмоции.

– Ну ты даёшь, Хоттабыч! – только и смог промолвить рефери, помогая поднимать с песка немного шатавшегося Змея.

А вот Гриша очнулся гораздо раньше и снова бодро заорал в свой микрофон!

– Дамы и господа! Ошеломительная победа Хоттабыча! Наш волшебник действительно показал нам чудеса – чудеса мастерства, выдержки и превосходства боевого опыта над молодостью и задором! Техника джиу-джитсу как она есть! Удушающим приёмом на первых секундах боя побеждает боец по прозвищу Хоттабыч!

Влад, выстроив Змея и Пашу по разные стороны от себя, поднял руку Паши и проорал:

– Победа!

Ерёмин не спеша пожал руку Змею.

– Не обижайся, паренёк, я легонечко, не хотел с тобой рубиться, старый я уже для таких штук...

Змей удивлённо посмотрел на Пашу и пробормотал:

– Ну вы мастер... Если вы также и кулаками можете, то я с вами больше на бой не выйду...

Паша улыбнулся.

– Кулаками и ногами я могу ещё лучше, но решение правильное – ты ещё потренируйся лет двадцать, чтобы мы в классе сравнялись...

Повернувшись, он пошёл в свой угол ринга.

Но на этом день для него не закончился. К нему моментально подскочило радио по имени Гриша и стало возбуждённо орать:

– Слушай, отец, классно ты Змея... может, ещё один бой? Мы тебе, как лучшему участнику сегодняшнего боя, даже денег соберём, клянусь! И футболку фирменную подарим и перчатки! Соглашайся, мы тебе подберём классного бойца, я же вижу, что ты мастер!

Паша недоверчиво посмотрел на Гришу.

– Да я старый для таких боёв, просто интересно было молодость вспомнить. У меня физуха не та, меня на полраунда только хватит, минуту, максимум, полторы смогу простоять. А у вас тут по 10 минут рубилово. Да и травмы мне не нужны...

Гриша как будто не услышал доводы и продолжал свою песню.

– Да мы нормального пацана поставим, ты с ним легко справишься. Не будешь ты десять минут стоять, минуты с головой хватит. Покажи красивый бой, не души сразу, руками там помахай немного. Красивый бросочек там или какой-то яркий удар. Ты же ушуист, ну и покажи чудеса кун-фу. В накладе не останемся, мы денег тут никому не платим, а тебе заплатим, у нас есть такая опция – зрительский сбор.

Тут подошёл Влад с каким-то огромным мужиком, рядом с которым он – и сам весьма немаленький – выглядел весьма скромно.

– Вот, Хоттабыч, познакомься, это Большой Коля, наш главный на чемпионате. Он подтвердит слова Гриши.

Большой Коля уважительно пожал Паше руку.

– Видел бой. Впечатлён. Опыт, как говорится, не пропьёшь, как и мастерство. Проведите ещё один бой, у нас прямой эфир сейчас идёт, вы красиво можете победить? Так чтобы прямо все ахнули? Обещаю, что пять тысяч рублей мы вам выплатим, вы же, как я понимаю, приезжий? Мне тут уже про вас рассказали...

Паша оглянулся и увидел, как прямо рядом с пультом звукорежиссёра присоседился... Серёга. Тот самый, с которым он познакомился в «Ночлежке». Он быстро подошёл к приятелю и процедил сквозь зубы:

– Слушай, ну ты трепло. Зачем про меня раззвонил здесь всем?

Серёга обиженно часто-часто заморгал, вытер нос ладонью и, скривившись, выдавил:

– Ничего я такого не рассказывал. Сказал, что ты здесь на острове живёшь, что приезжий и денег у тебя нет. Вот и всё. Ничего они больше не знают. Ни про Португалию твою, ни, тем более, про твоё прошлое.

Паша сменил гнев на милость.

– А, ну тогда ладно. Ты сам чего здесь?

Сергей снова вытер нос ладонью, потом пригладил свою начавшую уже редеть шевелюру.

– Да пришёл к тебе узнать, как ты – а тебя нет. Услышал шум, пошёл и вот пришёл сюда. Видел как раз, как ты выступал. Шикарно ты того пацана срубил, прямо мастерски. Ну и сказал этому главному с микрофоном, что ты круче можешь, но с деньгами у тебя туго.

Паша засмеялся.

– Вот, у меня уже и промоутер появился. Теперь понятно, почему они мне денег решили предложить.

– Не только предложить, но и заплатить. Хоттабыч, соглашайся, мы тебя нашим постоянным бойцом сделаем. Нас сейчас смотрят разные люди, есть и руководители спортивных клубов, разные там устроители боёв. Я тебе по секрету скажу – сейчас как раз один такой серьёзный человек собирается устроить свой промоушен, ищет бойцов для этого проекта. И наше слово тоже чего-то стоит.

Это внезапно рядом с приятелями снова возник, как чёртик из табакерки, вездесущий Гриша.

Паша-Хоттабыч посмотрел на него оценивающим взглядом и махнул рукой.

– Ладно, Григорий, готовь своего бойца, так и быть – вспомню молодость, покажу вам чудеса. Деньги мне сейчас очень нужны, но я не из-за денег, а ради перспективы. Мне тут один серьёзный человек тоже кое-что обещал, так что разомнусь, проверю, на что я ещё способен.

– Вот! Вот это дело! Молодец, Хоттабыч! Всё, я пошёл объявлять, восстановись немного, попей водички, я мигом!

И реактивный Гриша моментально исчез! Но уже через полминуты его жизнерадостные вопли снова разнеслись над поляной Канонерского острова.

– Дамы и господа! После стремительного, ошеломительного и феноменального боя, который, к сожалению, так же стремительно закончился, мы объявляем ещё один бой с участием мастера по имени Хоттабыч! На этот раз против непревзойдённого опытного бойца, который совершенно случайно оказался на «Стреле», выйдет не менее опытный, но более молодой боец по кличке Питбуль. Вы уже видели бои этого парня, он всегда стоит до последнего! Если он вцепится в своего соперника, то уже не отпускает его, пока не закончится бой! Всего пять минут, пока бойцы подготовятся и вы увидите, наверное, лучший бой сегодняшней «Стрелы»! Не уходите никуда, а то пропустите шикарное зрелище!

Конечно, Гриша был мастером своего дела и хорошо раскачивал публику, собравшуюся на этом уличном чемпионате. Причём, как позже узнал Паша, ему повезло быстро стать участником «Стрелы», потому что обычно для этого надо заполнить анкету на сайте в разделе «Стать бойцом» и потом дожидаться одобрения заявки. Кроме того, обязательное требование – медицинская справка. А зрители платят за вход 200 рублей и желающих посмотреть бои всегда очень много.

Паша немного прополоскал рот и не стал пить – он редко пил воду и во время тренировок, и, тем более, во время соревнований. Однажды его ученики удивились тому, что даже в самые жаркие дни их тренер совсем не пьёт воду. Тогда Ерёмин и объяснил им, что пока организм работает в анаэробном режиме, то есть, во время боя, не успевая в нужном объёме дать организму нужное количество кислорода, то выпитая в это время вода всё равно не насыщает организм и не утоляет чувство жажды. Она просто уходит в пот и мочу. И после выпитых нескольких глотков через минуту пить хочется ещё больше. К тому же на переработку поступающей воды организм потратит такие нужные во время боя силы.

Тут рядом с ним снова возник Гриша.

– Ну, что, Хоттабыч, готов?

Паша вытер со лба пот и кивнул.

– Тогда я тебя объявляю.

И снова исчез. Но зато зазвучал его голос.

– Дамы и господа! Проездом в нашем городе удивительный волшебник и мастер единоборств Хоттабыч! Он уже показал нам одно чудо в первом своём бою, одержав победу за десять секунд! Сможет ли он показать нам ещё одно такое чудо? А вот это мы все вместе сейчас узнаем! Внимание! В ринге «Стрелы» победитель предыдущего боя Хоттабыч!

Паша снова бросил в рот капу, и, поправив свои шорты, перелез через канаты и оказался в ринге. Напротив него в другом углу уже стоял высокий и худой парень с причёской «ирокез». Весь он был в татуировках и выглядел, как смесь панка с уголовником. Взгляд у парня был очень недобрым.

– Бойцы – на середину! – рефери по имени Влад вклинился в заклинания Гриши.

«Так, судя по всему, против меня выставили какого-то отморозка. Понятное дело, устроителям нужна реклама, нужен хайп, кровь и всё такое. Надо будет работать с ним осторожно – такой может выкинуть что угодно», – подумал Паша и пошел в центр ринга.

– И снова опыт против молодости, мастерство против духа, спорт против улицы – так бы я назвал этот бой, – продолжал вопить в микрофон Гриша. – Питбуль – это порождение улицы, он дерётся всю жизнь и бой – это его стихия. Посмотрим, что сможет он сделать против нашего волшебника по имени Хоттабыч!

Парень, которого называли Питбулем, тоже подошёл к рефери. Влад взял обоих бойцов за руки и скороговоркой стал проговаривать свою дежурную мантру.

– Правила помним и не нарушаем. Времени нет, судей нет. Внимательно слушайте мои команды и покажите красивый бой. По углам!

Бойцы разошлись. Рефери поднял руку вверх.

– Боец справа готов?

Паша кивнул и поднял руку.

– Боец слева готов?

Питбуль тоже махнул рукой.

– Внимание, бой!

Паша не стал спешить и решил подождать, что предложит ему соперник. Но тот тоже не стал сразу атаковать, видимо, помнил, чем закончился предыдущий бой. Он прицеливался и рыскал то вправо, то влево, пытаясь запутать Пашу. Но Хоттабыч был опытным бойцом и не поддавался на такие дешёвые уловки. И когда Питбуль в очередной раз дёрнулся влево от него, Ерёмин сам ушёл вправо и коротким левым боковым пробил ему по печени. Питбуль рухнул, как подкошенный.

Рефери, не ожидавший такого быстрого окончания боя, кинулся к упавшему бойцу. Но тот, морщась, уже поднимался на ноги. Паша практически не вкладывался в удар, просто провёл комбинацию, которую наработывал много лет – шаг вправо и одновременный выброс левого бокового в печень. Правда, эту связку должен был завершить правый боковой в голову, но Ерёмин не хотел нокаутировать парня.

– Продолжать можешь? – рефери задал вопрос Питбулю, надеясь, что тот всё же сможет драться дальше.

Тот кивнул и, зло посмотрев на своего соперника, поднял руки к голове.

– Вот это да! Наш Хоттабыч продолжает творить чудеса. Начало первого раунда – и Питбуль уже на песке! Такого мы давно не видели!

Это Гриша не упустил шанс снова подогреть зрителей.

– Бойцы готовы? Бой! – прокричал рефери.

И тут Питбуль внезапно ринулся на Пашу. Тот не ожидал такого резкого напора, и соперник буквально снёс его, сбил с ног, при этом ударив головой в живот. Ерёмин, упав на спину, привычно оплёл ногами торс оппонента, заняв положение «гард» и сковал его руки, не давая Питбулю нанести удар сверху. Но тот в бешенстве пытаясь вырваться, уловив момент, боднул Пашу головой, пытаясь попасть по лицу. Тот вовремя среагировал и убрал голову в сторону, поэтому удар пришёлся не в лицо, а по плечу. Поэтому рефери не остановил бой, хотя, по сути, Питбуль явно нарушил правила.

Но тут, в вязкой борьбе Хоттабыч внезапно увидел вблизи татуировки на руках и плечах оппонента. На правом плече Питбуля красовалась фашистская свастика! И это настолько оше-

ломило Пашу, что на какой-то момент он потерял контроль и выпустил руку своего соперника. Тот сразу же попытался нанести удар Ерёмину в лицо. Паша моментально прикрылся, а потом, использовав замах Питбуля и инерцию удара, протянул его руку вниз, резко поднял корпус и при помощи толчка своей правой ноги совершил «свип» – переворот в положение «маунт», когда он оказался верхом на своем сопернике. Левой своей ногой он при этом как бы подсёк его, поэтому переворот получился молниеносным.

На этом можно было бы и закончить этот бой – Паша, он же Хоттабыч мог легко провести любой болевой приём или даже задушить соперника, но он не захотел это делать.

«Хотели красивый бой – вы его получите», – пробормотал он, резко встал в стойку и рукой помахал Питбулю, приглашая его встать и продолжить поединок.

– Вы посмотрите, что творит наш волшебник! – продолжал орать Гриша в свой микрофон. – Он не стал возиться со своим соперником в партере, не стал его душить – а мы знаем, что Хоттабыч мастер джиу-джитсу – он решил продолжить красивый бой в стойке! Аплодисменты мастеру!

Толпа вокруг стала хлопать в ладоши и улюлюкать. А Питбуль, злобно ощерившись, отряхнул песок с головы и снова резко кинулся на Хоттабыча. Но тот его уже ждал. Как только татуированный панк начал движение, Паша шагнул левой ногой навстречу сопернику и немного влево от него, молниеносно развернулся на своей левой ноге, а правой ногой нанёс неожиданный удар, который в японском каратэ-до называется уширо гери, а в корейских боевых искусствах – твит-чаги. Удар пришёлся точно в печень и на этот раз Ерёмин не стал сдерживать удар и вложился, что называется, по полной. Питбуль сложился, как лист бумаги, который смяли и бросили в мусорную корзину. Так и упал в сложенном виде лицом вперёд, головой в песок. Видимо, от боли он потерял сознание, потому что удар ногой в печень, да ещё один из самых сильных в единоборствах – это почти смертельный удар.

«Хотел получить, фашистёнок – ты своё получил!» пробормотал себе под нос Паша.

Глава одиннадцатая. Как найти неприятности на свою голову?

Сказать, что после победы никому не известного Хоттабыча площадка, на которой проходила «Стрела», превратилась в какую-то смесь сумасшедшего дома, зоопарка и стадиона – это не сказать ничего. Зрители, которые пришли поглазеть в общем-то обыкновенный мордобой с эдаким рабоче-крестьянским пафосом – мол, здесь дерутся обыкновенные парни – внезапно получили зрелище, достойное, наверное, чемпионатов UFC. Тем более, что никто не ожидал, что возрастной боец, хоть и выглядевший довольно внушительно, сможет победить молодого и борзого парня, известного тем, что никогда не жалел своих соперников в ринге. И на тебе – нарвался на какого-то дедушку с седой бородой, который дважды буквально размазал его по песку. Да как! Эффектно, красиво и почти мгновенно!

Пока откачивали Питбуля, причём, дежурившие неподалёку медики «скорой помощи» погрузили его в свою колымагу и повезли в больничку, пока награждали победителя – Хоттабычу таки собрали денег, как обещали, пять тысяч, в общем, пока шли разборки, публика просто бесновалась. Некоторые подходили, хлопали Пашу по плечу, говорили комплименты, в том числе и тот пацан в кепке, который готовился ему секундировать. Заметив своего горе-секунданта, Паша улыбнулся и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.